

ФУТУРИСТЫ

КОНСТАНТИНЪ БОЛЬШАКОВЪ,
БУРЛЮКИ: ДАВИДЪ, ВЛАДИМИРЪ, НИКОЛАЙ,
ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ, А. КРУЧЕНЫХЪ, БЕНЕ-
ДИКТЪ ЛИВШИЦЪ, ВЛАДИМИРЪ МАЯКОВСКІЙ,
ВИКТОРЪ ХЛЪБНИКОВЪ, ВАДИМЪ
ШЕРШЕНЕВИЧЪ,

ДОХЛАЯ ЛУНА

Изд. второе, дополненное.

Стихи, проза, статьи,
рисунки, офорты.

ВЕСНА
1914
МОСКВА.

ФУТУРИСТЫ

КОНСТАНТИНЪ БОЛЬШАКОВЪ,
БУРЛЮКИ: ДАВИДЪ, ВЛАДИМИРЪ, НИКОЛАЙ,
ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ, А. КРУЧЕНЫХЪ, БЕНЕ-
ДИКТЪ ЛИВШИЦЪ, ВЛАДИМИРЪ МАЯКОВСКІЙ,
ВИКТОРЪ ХЛЪБНИКОВЪ, ВАДИМЪ
ШЕРШЕНЕВИЧЪ,

ДОХЛАЯ ЛУНА

Изд. второе, дополненное.

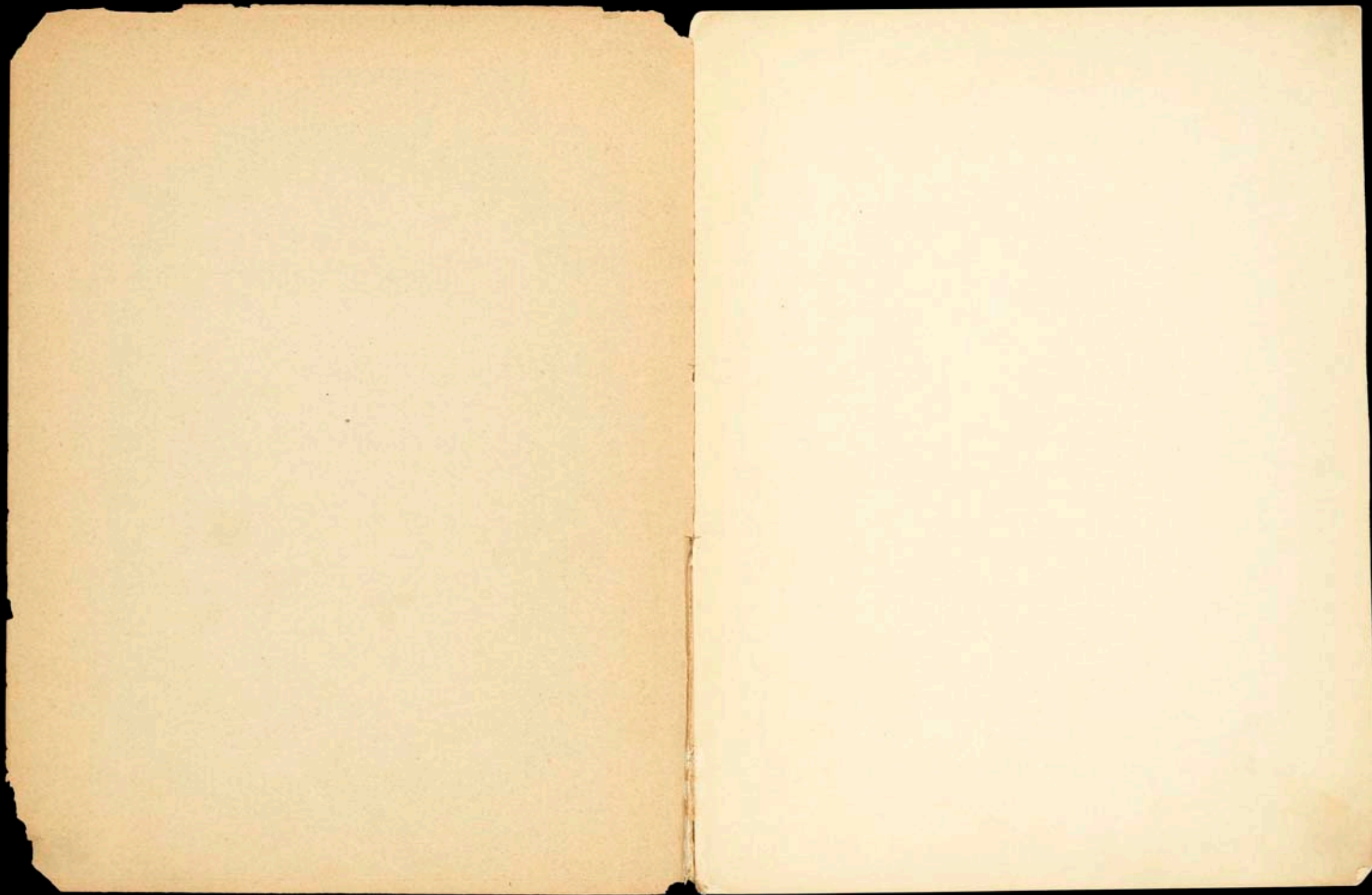
Стихи, проза, статьи,
рисунки, офорты.

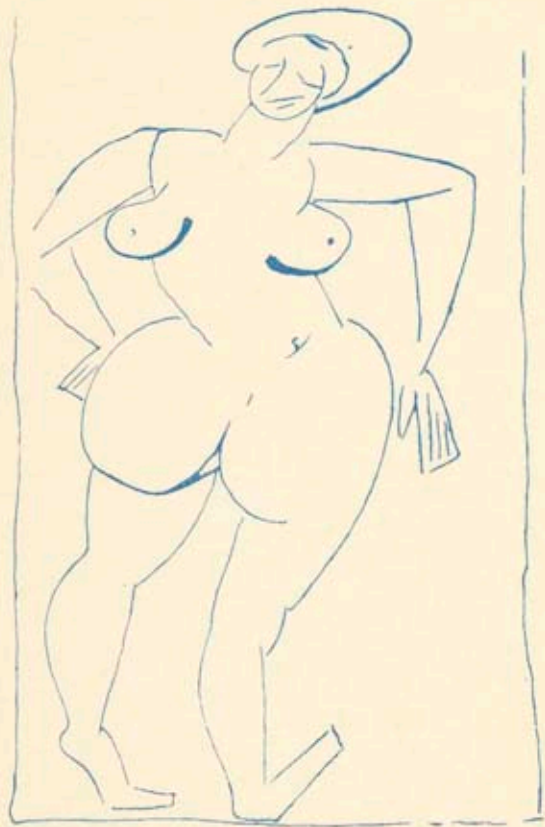
ВЕСНА
1914
МОСКВА.

Тит. и цинк. т/д. Мысль 2 отд. Никитская, 9.

Б. Лившицъ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СЛОВА.

I.

Въ порочномъ кругѣ, въ коемъ исходи, благодаря традиционному невѣжеству и наследственной умственной лѣни, мечется российская литературная критика, иногда наблюдаются любопытныя явления. Среди переполоха, поднятаго во станѣ критики, первыми, еще безымянными, выступленіями футуристовъ, наиболее смѣлѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболее характерно въ рукахъ руководителей общественнаго вкуса прозвучало брошенное намъ обвиненіе въ энигонствѣ. Заставь дурака Богу молиться, онъ и лобъ расшибетъ. Еще на памяти у всѣхъ время, когда нашу критику приходилось отучать отъ излюбленныхъ ею катастрофическихъ понятій «искусственной прививки», «занесенія Запада» и т. п. сообщеніемъ ей иныхъ, новыхъ для нея, понятій эволюціоннаго характера. Увы, это испытаніе оказалось ей не по силамъ: какъ у всѣхъ умственныхъ недоносокъ, сложная формула причиной обусловленности у нашихъ критиковъ превратилась въ несравненно болѣе простую: *post hoc, ergo propter hoc*. За грѣхи нашихъ отцовъ—культур-

Трегеровъ расплачиваться приходится намъ. Преемственность преемственности, но неужели всякій тапцъ начинается отъ печки россійскаго символизма? Неужели примать словесной концепціи, впервые выдвинутой нами, имѣть что-либо общее съ чисто идеологическими цѣностями символизма? Не раздѣляли ли блаженной памяти символисты рокового рабскаго убѣжденія, что слово, какъ средство общенія, предназначенное выражать извѣстное понятіе и связь между таковыми, тѣмъ самымъ и въ поэзіи должно служить той же цѣли? Изъ чьихъ устъ до насъ изшло утвержденіе, что будь средствомъ общенія не слово, а какой-либо иной способъ, поэзія была бы свободна отъ печальной необходимости выражать логическую связь идей, какъ съ незапамятныхъ временъ свободна музыка, какъ со вчерашняго дня — живопись и ваяніе?

Не менѣе основательны указанія критики на то, что наше пониманіе задачъ поэзіи произвольно, не основано ни на какихъ объективныхъ данныхъ и что нашей конструкціи можно противопоставить, въ качествѣ эквивалентныхъ, сколько угодно иныхъ. Мы существуемъ — съ насъ этого довольно. Идущимъ вслѣдъ за нами историкамъ литературы, для конхъ наше заявленіе — конечно, лепетъ непосвященныхъ, рекомендую обратиться къ наемникамъ Пропера: у нихъ тамъ все очень хорошо объяснено. Но, вопрошаютъ насъ болѣе глубокомысленные, откуда чер-

пасте вы увѣренность, что ваше пониманіе—единственно-возможное изъ представляющихся современному творческому сознанію? Только въ нашемъ отечествѣ, гдѣ съ легкостью, не возбуждающей недоумѣнія появляются на свѣтѣ всякіе акмензмы—эфмерные и пустотѣаме — и только въ ушахъ нашихъ присяжныхъ цѣнителей, тщетно пытающихся уловить зыбкій смыслъ этихъ одувачниковыхъ дозунговъ—, можетъ возникнуть такой вопросъ. И его приходится слышать, уже ступивъ за порогъ великаго освобожденія слова!

II.

Едва ли не всякое новое направленіе въ искусствѣ начинало съ провозглашенія принципа свободы творчества. Мы повторили бы основную методологическую ошибку большинства этихъ декларацій, если бы попытались говорить о свободѣ творчества, не установивъ нашего пониманія взаимоотношенія между міромъ и творчествомъ сознаниемъ поэта. Намъ представляется невозможнымъ творчество въ «безвоздушномъ пространствѣ», творчество «изъ себя», и, въ этомъ смыслѣ, каждое слово поэтического произведенія вдвойнѣ причинно—обусловлено и слѣдовательно, вдвойнѣ несвободно: во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что поэтъ сознательно ищетъ и находитъ въ мірѣ поводъ къ творчеству; во-вторыхъ, въ томъ что сколько бы ни представлялся поэту свободнымъ

и случайнымъ выборъ того или иного выраженія его поэтической энергій, этотъ выборъ всегда будетъ опредѣляться нѣкоторымъ подсознательнымъ комплексомъ, въ свою очередь обусловленнымъ совокупностію внѣшнихъ причинъ.

Но если разумѣть подъ творчествомъ свободнымъ — полагающее критерій своей цѣнности не въ плоскости взаимоотношеній бытія и сознанія, а въ области автономнаго слова, — наша поэзія, конечно, свободна единственно и впервые для насъ безразлично, реалистична ли, натуралистична или фантастична наша поэзія: за исключеніемъ своей отправной точки она не ставитъ себя ни въ какія отношенія къ міру, не координируется съ нимъ, и всѣ остальные точки ея возможно съ нимъ пересѣченія заранее должны быть признаны незаконными.

Но подобное отрицаніе извѣстнаго отношенія между міромъ и сознаніемъ поэта въ качествѣ критерія творчества послѣдняго отнюдь не есть отрицаніе всякаго объективнаго критерія. Выборъ поэтомъ той или иной формы проявленія его творческой энергій далеко не произволенъ. Такъ, прежде всего, поэтъ связанъ пластическимъ родствомъ словесныхъ выраженій. Во-вторыхъ, пластическою валентностію ихъ. Въ третьихъ, словесною фактурой. Затѣмъ, задачами ритма и музыкальной инструментовки. И, наконецъ, общими требованіями живописной и музыкальной композиціи. Во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ

оговориться, что хотя кое-что изъ перечисленнаго (правда, слабо понятое и весьма вульгарно намѣченное) и являлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ конгредіентомъ сужденій о цѣнности поэтического произведенія, но лишь нами впервые, въ строгомъ соотвѣтствіи со всею системою нашего отношенія къ поэзіи, приданъ характеръ исключительности этимъ основнымъ моментамъ объективнаго критерія.

Отрицаая всякую координацію нашей поэзіи съ міромъ, мы не боимся идти въ своихъ выводахъ, конца и говоримъ: она недѣлима. Въ ней нѣтъ мѣста ни лирики, ни эпосу, ни драмѣ. Оставляя до времени въ неприкосновенности опредѣленіе этихъ традицій, спросимъ: можетъ-ли поэтъ, безразличный, какъ таковой, ко всему, кромѣ творимаго слова быть лирикомъ? Допустимо ли превращеніе эпической кинетикки въ эпическую статикку, иными словами, возможно ли, кореннымъ образомъ не извращая понятія эпоса, представить себѣ эпическій замыселъ расчлененнымъ искусственно — не въ соотвѣтствіи съ внутреннею необходимостію послѣдовательно развивающейся сцѣны явленій, а сообразно съ требованіями автономнаго слова? Можетъ-ли драматическое дѣйствіе, развертывающееся по своимъ исключительнымъ законамъ, подчиняться индукціонному влиянію слова, или хотя бы только согласоваться съ нимъ? Не является ли отрицаніемъ самаго понятія драмы—

разрѣшеніе коллизіи психическихъ силъ, составляющей послѣдней, не по законамъ психической жизни, а нинѣ? На всѣ эти вопросы есть только одинъ отвѣтъ: конечно, отрицательный.

III.

Въ заключеніе: если ошибка—думать, что выше-изложенные принципы уже нашли полное осуществленіе въ произведеніяхъ поэтовъ, ихъ признающихъ, то гораздо большее уклоненіе отъ истины—утвержденіе, что новое теченіе сводится, въ конечномъ счетѣ, къ словотворчеству въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Напрасно не въ мѣру прозорливые и услужливые друзья съ усердіемъ достойнымъ лучшей участи, помогающіе намъ конституироваться, толкаютъ насъ на этотъ путь. Принимая въ узкому своему пониманію происходящее у нихъ на виду, они, вѣрять, вполнѣ добросовѣстно упускаютъ самое цѣнное, что есть въ новомъ теченіи—его основу: измѣненіе угла зрѣнія на поэтическое произведеніе. Если «Пушкинъ, Достоевскій, Толстой и пр. сбрасываются съ парохода современности» то не потому что «мы во власти новыхъ темъ», а потому что подъ новымъ угломъ зрѣнія, въ новомъ ракурсѣ ихъ произведенія утратили значительнѣйшую долю своего, отнынѣ незаконнаго, обаянія, то, равнымъ образомъ, не въ согласованности или несогласован-

ности съ духомъ русскаго языка нашихъ неологизмовъ, или съ академическимъ синтаксисомъ—нашего предложенія, не въ способахъ нахожденія новой рѣчмы, не въ сочетаніи словъ, казавшихся несоединимыми слѣдуетъ искать, какъ это дѣлаетъ, напр., В. Брюсовъ, сущность и мѣрило цѣнности новаго теченія. Все это—на периферіи послѣдняго, все это лишь средства нашего переходящаго сегодня, отъ которыхъ мы, можетъ быть, завтра безъ ущерба для нашей поэзіи откажемся. Но что непроходимой пропастью отдѣляетъ насъ отъ нашихъ предшественниковъ и современниковъ—это исключительный акцентъ, какой мы ставимъ на впервые свободномъ—нами освобожденномъ—творческомъ словѣ.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

Весна 1913 г.

Вадимъ Шершеневичъ.

К. Большакову.

„А завтра едва-ли зайдет за Вами“
К. Большаковъ.

Сердце вспотѣло, трясеть двойнымъ подбородкомъ и
Кидаетъ тяжелые пульсы разсыянно по сторонамъ.
На проспектъ, изжеванномъ поступью и походками,
Чьи то острые глаза бритвить по моимъ щекамъ.

Пусть завтра не зайдетъ и проищитъ оно
Въ телефонъ, что устало, что не можетъ прійхать и
Что дни мои до итога бездѣльниками сосчитаны,
И будетъ что то говорить долго и нехоти.

А я не повѣрю и пристижу: «Глуное, глуное, глуное!
Я сегодня ночь придумалъ новую арифметику,
А прежняя не годится, я балансъ пересчитаю,
Итогъ попробую на языкъ, какъ рѣдку».

И завтра испугается, честное слово, испугается,
Зайдетъ за мною въ авто взятомъ на прокатъ,
И на мою душу покосившуюся, какъ глаза у китайца,
Насадитъ зазвонный трехсаженный плакатъ.

И плюнет мнѣ въ рожу фразой, что въ млечномъ
Кабинетѣ опять звѣздная крыса забѣгала,
А я солнечнымъ шаромъ въ кегельбанѣ вѣвѣнномъ
Буду съ пьяными выбивать дни, какъ кегли.

И во всегда пролѣзу, какъ шаръ въ лузу,
И мысли на конверты всѣхъ годовъ и вѣковъ наклею,
А время—мой капельдинеръ кривой и кургузый—
Будетъ каждое утро чистить вѣчность мою.

Не вѣрите—не вѣрите!
Обищите сомнѣніями мускулистый вопросъ!
А я зазнавшейся выскочкѣ—смерти
Утру безъ платка крочковатый носъ.

2.

Послушайте! Я и самъ знаю, что электрической пылью
Визскриваются Ваши глаза, но вѣдь это потому,
Что Вы плагиатируете фонари автомобилей,
Когда, они отъ нечего дѣлать пожираютъ косматую
тьму.

Послушайте! Вы говорите, что Ваше сердце ужасно
Стучитъ, но вѣдь это же совсѣмъ пустяки;
Вы звачить це слыхали входной двери! Всякій разъ
она

Оглушительно шарахается, ломая свои каблучки.
Нѣтъ, кромя шутокъ! Вы увѣряете, что корью

Захворало Ваше сердце. Но вѣдь это необходимо хотъ
разъ.

Я въ этомъ убѣжденъ, хотите, съ докторами поспорю.
У каждого бываетъ покрытый сипною болѣзнью часъ.

А вотъ, когда Вы выйдете въ разорванный полдень
На главную улицу, гдѣ пляшетъ холодень,
Гдѣ скребуть по снѣгу моторы свой выпуклый шагъ,
Какъ будто раки въ пакетѣ шуршатъ,—
Вы увидите, какъ огромный день съ животомъ
Раздутымъ прямо невѣроятнo отъ проглоченныхъ лю-
дишекъ

На тротуаръ выхаркиваетъ, съ трудомъ
И пища, пища излишекъ.
А около него вскрикиваетъ провинительно, но скорбно
Монументальная женщина, которую душитъ мой гор-
батый стишокъ,
Всплескивается и хватается за его горбъ она,
А онъ весь осѣдаетъ, пыхтя и превращаясь въ поро-
шокъ.

Послушайте! Вѣдь это же въ концѣ концовъ нестер-
пимо:

Каждый день моторы, моторы и ночной контрабасъ.
Это такъ оглушительно, но вѣдь это необходимо,
Какъ то, чтобы корью захворало сердце хотъ разъ.

Секунда нетерпеливо топнула сердцем и у меня из
Рта выскочили хищных аэропланов стада.
Спутайте рельсовыми канатами блесоватые капризы,
Чтобы вѣчность была однобока и иногда.

Чешу душу раскаиваемъ, глупое небо я внизъ тяну,
А вѣтеръ хлестко даетъ миѣ по-уху.
Позвольте проглотить, какъ устрицу, истину,
Валоманную истину, миѣ—озвѣрѣвшему олуху.

Столкнулись въ сердцѣ двѣ женщины трамваями,
Съ грохотомъ теркивъ столкнулись въ кровь,
А когда испугъ и переполохъ оттаяли,
Изъ обломковъ, какъ ротъ безъ лица, зашипела лю-
бовь.

А я отъ любви оставилъ только корешокъ,
А остальное не то выбросилъ, не то сжегъ.
Отчего Вы не понимаете! Варить жизнь мои поступки
Въ котлахъ для асфальта, и подходить минуты паромъ,

Будоражатъ жижицу, намазываютъ на уступы и на
уступки,
На маленькіе уступы, лопатой разжевываютъ по тро-
туару.

Я все сочиняю, со мною не было ничего,
И минуты—такіе послушныя и робкія подростки!
Это я самъ, акробатъ сердца своего,
Самъ вскарабкался на рухлящіе подмости!

Шатайтесь, шатучія, шаткія шанки!
Толпите шаги, шевелите прокисшіи стоиъ!
Это жизнь кладетъ меня въ безнозвіе палки,
А я изъ послѣднихъ силъ ползу сквозь картонъ.

Это Вы привязали мою голую душу къ дымовымъ
Хвостамъ фиркающихъ, озвѣрѣвшихъ, дикихъ мото-
ровъ
И пустили ее волочиться по падучимъ мостовымъ,
А изъ нее брызнула кровь черная, какъ торфъ.

Всплескивались скелеты лифта, кричали дверями ада-
жію,
Изступленно переламывались колокольни, и радъ
Этихъ каменнымъ галопомъ желѣзобетонны двадца-
тиэтажкіи
Вскидывались къ крышамъ свой водосточный канатъ.

А душа волочилась и, какъ пилали, глотало небо
сѣдое
Звѣзды, и чавкали его исполосованными молніями губы.

А сторожа и дворники грязной метлою
Чистили души моей ржавые зубы.

Стоглазье трамвайное хохотало надъ приткою пыткой,
И душа по булжникамъ раздробила голову свою,
И кровавыми нитками было выткано
Мое мѣткое имя по снѣговому шитью.

5.

Прямо въ небо качнуль я вскрикъ свой,
Вскрикъ сердца, которое въ кровоподтекахъ и въ сп-
някахъ,
Сквозь меня мотоциклы проходятъ, какъ лучи несо-
вне,
И площади гарантируютъ пассажи на моихъ щекахъ.

Переудки выкидываютъ изъ мгѣль пригоршнями
Одутловатыхъ верблюдовъ, звенящихъ вперевой,
А на встрѣчу имъ улицы ерзаютъ поршнями
И кидаютъ мою душу, пережаренную зазѣвавшейся
судьбой.

Небоскребъ выставляетъ свой животъ обвислый,
Топокоптитъ по рельсамъ трамвай свой массивный
скокъ,
А у барьера кришъ, сквозь рекламныя буквы и числа,
Хохочетъ кроваво электро-электротокъ.

Выходить из могил освещенных автомобиля
И, осклабясь, как индюк, харей смѣшной,
Они вдругъ тяжелыми колокольнями забили
По барабану моей перепонки ушной.

Рветъ крыши съ домовъ. Темновато почѣть. По пар-
но

Врываются кабаки въ мой охрипшій лобъ,
А прямо въ пухлое небо, безъ гудка, безъ фонаря,
Громкоящій паровозъ врѣзаетъ свой стальной галопъ.

6.

Церковь за оградой осторожно привстала на цыпочки,
А двухэтажный флигель присѣлъ за небоскребы впо-
пыхахъ,

Я весь трамваями и автомобилями выпачканъ.
Гдѣ-гдѣ дождѣть на всѣхъ парахъ.

Крутень винопяющихъ за отгородкой стекольной,
Сквозь витрину укусить мой вскрикъ ваши уши,
Вы заторопите шаги. затрясетесь походкой алькоголь-
ной,

Какъ свѣже-гальванизированная лягушка.

А у прохожихъ автомобильное выраженіе. До-нельзя
Обваливается штукатурка съ души моей,
И взметнулся моего голоса испуганный шмель за-
дѣвая за провода сердце все сильнѣй и гудѣй.

Заводской трубой вычернившееся небо пробило,
Засеменли вело еженочный волторнопассажи
И луна ошалѣлая, раскаленная до-бѣла.
Взвизгнула, пробѣгая беззвѣздный виражи.

Бухнули двери безтолковыхъ часовъ,
Бодая пространство, разорвали рты.
На сердцѣ желѣзную навѣчную засовъ
И вошли Вы, какъ будто Вы были ты.

Все тукало, звукало, звякало, лискало,
Я въ кори сплѣтенъ сплетѣнъ со всѣмъ,
Что постороннее, что юнѣло и тряскало,
Знаете: постарѣвшая весна высохла совсѣмъ?!

Пусть же шаркають по снѣгу моторы. Некстати лѣ-
зость взглядомъ изъ язьвъ застекленныхъ за парюю
мужь,

А я всѣмъ пропою о моей пьяной матери,
Пляшущей безъ платья среди забагровѣвшихъ лужь.

7.

Прохожіе липнуть мухами къ клейкимъ
Витринамъ, гдѣ митингъ ботинокъ,
И не надоѣсть подлѣзшимъ лейкамъ
Выцѣживать зѣвакъ въ воздухъ густой, какъ цинкъ

Недоразумѣнія, какъ параллели, сошлись и разбухли,
Чахотка въ нервахъ подергивающихся проводовъ,
И я самъ не понимаю: у небоскребовъ изо рта-ли, изъ
уха-ли
Тянутся шероховатые почерки дымныхъ клубковъ.

Всѣмъ трамваевъ изъ за угла отвратительнѣй,
Чѣмъ написанная на ремингтонѣ любовная записка,
А беременная женщина на площади животь произи-
тельный
Вываливается въ неуклюжія руки толпчагагося шиска.

Кинематографы окровавили свои беззубыя пасти
И глотають дверями и окнами зазѣвавшихся всѣхъ,
А я вяжу чулокъ моего неконченнаго счастья,
Бездумно на рельсы трамвая сѣвъ.

Москва. 1913 г.

В. Хлѣбниковъ.

СЕМЕРО.

1.

Хребтомъ и обличьемъ зачѣмъ стать по-
добенъ коню,
Хребтомъ и обличьемъ зачѣмъ стать по-
добенъ коню,
Кому ты такъ ржешь и смотришь сердито?
Я дерзкихъ красавицъ давно ужъ люблю,
Я дерзкихъ красавицъ давно ужъ люблю,
И вотъ обмѣнилъ я стону на конюто.

2.

У дѣвушекъ нѣтъ такихъ странныхъ при-
чудъ,
У дѣвушекъ нѣтъ такихъ странныхъ при-
чудъ,
Имъ вѣтренный отрокъ милѣе,
Здѣсь дѣвы холодныя сердцемъ живутъ,
Здѣсь дѣвы холодныя сердцемъ живутъ,
То дщери великой ГИЛЕИ

3.

ГИЛЕИ великой знакомо мнѣ имя,
ГИЛЕИ великой знакомо мнѣ имя,
Но зачѣмъ ты оставилъ свой плащъ и штаны?
Мы предстанемъ передъ ними,
Мы предстанемъ передъ ними,
Какъ степные скакуны.

4.

Что же дальше будутъ дѣлать,
Игорь, Игорь,
Что же дальше будутъ дѣлать,
Съ Вами дщери сей страны?
Онѣ сядутъ на насъ бѣлья,
Товарищъ и другъ,
Онѣ сядутъ на насъ бѣлья,
И помчатъ на зовъ войны.

5.

Сколько-жъ Васъ, кому охотнѣй
Борись, Борись
Сколько-жъ Васъ, кому охотнѣй
Жребій конскій не людской
Семь могучихъ оборотней,
Товарищъ и другъ,
Семь могучихъ оборотней
Насъ снѣдаемыхъ тоской.

6.

А если дѣвчѣ конница
Борись, Борись,
А если дѣвчѣ конница
Бой окончить, успокоясь?
Страсти вѣренъ, кажды гонится,
Товарищъ и другъ,
Страсти вѣренъ, каждый гонится
Разрубить мечомъ ихъ поясъ.

7.

Не ужасное ль въ умѣ
Борись, Борись,
Не ужасное ль въ умѣ
Вы замислили, о братья?
Нѣтъ покоримъ дѣвы и тѣмѣ
Товарищъ и другъ
Нѣтъ покоримъ дѣвы и тѣмѣ
Мы похитимъ мечъ и платье.

8.

Но, похитивъ ихъ мечи, что Вамъ дѣлать съ ихъ сле-
зами
Борись, Борись?
Но, похитивъ ихъ мечи, что Вамъ дѣлать съ ихъ сле-
зами?
То исконное оружіе.

Мы горящими глазами,
Товарищ и другъ,
Мы горящими глазами
Имъ отвѣтимъ. Это средство средствъ не хуже ихъ

9.

Но зачѣмъ вамъ стало надо,
Борись, Борись,
Но зачѣмъ вамъ стало надо
Измѣнить красѣ лица?
Убиваетъ всѣхъ пришельцевъ ихъ громада,
Товарищ и другъ,
Убиваетъ всѣхъ пришельцевъ ихъ громада,
Но намъ любо спокъ бѣлнца.

10.

Краткихъ кудрей, длинныхъ власъ
Борись, Борись
Краткихъ кудрей, длинныхъ власъ
Распри или Васъ достойны?
Этотъ споръ чаруетъ насъ,
Товарищ и другъ,
Этотъ споръ чаруетъ насъ,
Ведутъ къ счастью эти войны.

ЛЮБХО.

Залюбясь влюбляюсь любима люблѣя въ любви
вахъ въ любви любейющихъ? любки! любкй! люб-
рами олюбрася нелюбрыми залюбить, полюбить при-
полюблывать въ люблѣнйяхъ любезъ Тринеоблюблѣ-
ви любивать не любзия! любезныя любезныя! любчи-
Олюбъ: о любите, неразлюбляемую олюбовь, любязи
и до не любн-долюбство, людо, любенный, любизъ,
любизъ любенку, любеникъ въ любчей любать любн-
ци, любенный любехъ и любенъ о любенекъ лубунъ
въ любку, бубочное о лубунъ. Любить любовью люб-
бязи любать безлюбнцъ. Любанной любимъ приве-
залюбленъ любинникъ любаной къ любнцѣ, юблещъ
солубилъ съ люблещомъ любны любина либезбѣсть
любковая, люблвая въ люблюбухъ любской влюбчй
олюбилъ зденнаю любимое безлюблюбля любей лю-
бельниковъ любилъ въ любенъ, любия нелюби лю-
бязя.

Любный приулюбчивое любилу любезъ, любн-
лмхъ любашечниковъ, въ любнвахъ и любогъ олю-
билъ залюбилъ улюбнулся въ любнцу. Любравствую-
щй любровникъ любачестъ, Разлюбилъ любилъ заве-
любилъ любца любвилюбани любь ною люблннъ
любкой, Привеолубилъ любррей любаны любоша
любнцнхъ любоя любина.

Пренезалюбить любря любани любило любани
залюбилось нелюбие къ любиму, возлюбилъ къ нелю-
бины, любящей любимомъ, прилюбилась въ залюбие
любящей нелюбка въ любачествѣ люлучій невзлюбчи-
вость; въ любилъ любило любно не любиться прилюб-
ливать донезалюбило до нелюби любящей любка не-
любяземъ любяцы любязь любаконъ Залюбила нелю-
бою въ недовлюбъ въ недовлюбленную любонь въ
безлюбную люботу прилюбленную любима излюб-
леннѣйшаго любенка любана.

Разлюбись въ неразлюбилъ улюбчиво любить лю-
бенка любяца разлюбилъ неотлюбчиво любить-при-
олюбливать не любовую любовню, любирей не любя-
щую любить любимый, олюбилъ нелюбокъ Люблмай-
любившій. Любезъ прилюбазн какъ прилюба оязан-
на отъ любвѣйшихъ любви. Любемъ любильемъ за-
любованъ. Онъ любвѣйникъ, любвей Любязескїа лю-
бавы и любравы и любоевъ въ люблянсновозамоб-
чїй и любей, любота «сирота» осѣдрота. Любъ
«бой» разбой. Любезнавы, Любезнавка, любо-русалїа
любєка любенкой смѣло-русскіе. Я любочъ, любимый
Любеной любель-отдѣльное выраженіе любви. Я лю-
бель невозлюбилъ любунъ любилья любви нелюб-
ви любезнымъ любильями о любилъ. Любезъ залю-
билъ, залюбился въ любви Любокъ любачествѣ люб-

щихъ любитель любляствовать любя. Любязей люб-
кихъ, любамхъ, любилою любли, перелюбишь Любля
любри любрамя съ люброю любляться люблѣ съ любо-
веннымъ прилюбомъ, любязь любви любезной любемъ
въ любитвахъ люблю; любровникъ любящихъ
въ любравахъ, залюби о любви любокъ любизь о лю-
бенѣля любезныя безмочныя въ любости любра
любезной залюбое полюбить любезами залюбить лю-
боченѣйшіе любокъ улюбилъ, прилюбилъ, залю-
бить, приполюбивать Любиканице, перелюбчивое.
Позалюбчивать занелюбины, припоразлюбивать
Любикъ-любикалыя нелюби любязя, нелюбокъ не-
любрътъ-нелюбить любящу любшей и любри любя-
щюю, возлюбилъ Голюбицу и голюбяшся голюбы и
голюбица, къ оубрямъ. Въ любокъ, Залюбишь люб-
чествъ любия любильной. Любакъ, прелюбиѣ. Любо-
чествъ любранъ любравнокъ любящихъ съ прилю-
бенѣлымъ любяломъ, влѣбѣтъ. Любець съ ягодшей лю-
бавы, Любну въ любравѣ любравника любить. Не-
любненькій, любучій, любовня-жаровня любить. Лю-
бю къ о любви. Любшина, влюбравы, влюбивинь при-
любъ. Любви люблая. Улюбилъ въ любилъ любовь Ли-
бина. Въ любачесновахъ и люпочесновъ любристан
любезка олюбила предлюбная предлюбье. Любовей-
ныя: люненѣя залюбъ любви любеза любой въ Незалю-

близкихъ въ любезяхъ. Любятъ любичками и любра
любана и прилюбичка (Лель-бить ле-бить) любля
залюбила въ не любилъ улюбчиво колюбель государь-
голубой (любой). Любятъ въ любви, любудь Люби-
ще-мѣсто любви, въ его бляка въ любри, въ любленъ
любящей влюбляя любочесповомъ залюбчивою. Лю-
бенъ (кого любить) О водъ-любъ все что можно ли-
бить. Любяжосныхъ любимовъ, о любисъ нелюблю-
щійся.

ТАКЪ КАКЪ.

Такъ какъ мощь мила негуществъ
Этой радостной душѣ,
Такъ какъ ходитъ зовъ могуществъ
То молчаній порошѣ
Такъ какъ ходитъ нѣкій вечеръ
По взирающему рту
Такъ какъ чертитъ съ богомъ вѣче
По цѣлинамъ лицъ черту.
Отсутствіеюкая мать качаетъ колибель.
Дитя продѣваетъ сквозь кольца жизни ручки-гучки
небыли,
И любви—отца скачетъ по полю конскимъ тѣломъ
Буйхвостимъ
И полнстѣль войсками взоровъ даетъ приказъ:
ряды стройсь!
Зазвени тетивы и звенѣлъ голубой ладъ луковъ.
И рѣсницы—копья.
Мальчикъ развѣвающій кудрями будущаго смѣется
И небовые глаза и золото звѣздъ въ нихъ
И ночь, протянувшаяся бровью.
Зима смѣется въ углахъ глазъ блестятъ
Небистѣли вьются кружатся за рѣсницами, мятель
за окномъ

Звоить о грезежи о не

И звоножарные сыпаль торговецъ каменья

И дѣвовласый онель былъ и зрачкнии мойма взяли
синѣль

И онаста моймомъ была разумная и сѣверовласая
сидѣла дѣва

И черты змбились толбой и были онасты ими взори
дѣвъ

И молчаніевласть былъ ликъ и оналикій бѣсъ.

Мноюликъ таенъ и теблядины пятнаты моймомъ.

И тобель широкозѣвать и ячератая дѣва.

И мновий духъ

И было оново его сознаніе и онмвий его мысль,

И правданцы разверзлись недгуція рѣсницы.

И онкій возглась и умная въспрохнула въ глазо-
вомъ озерѣ.

Онкое желаніе.

Онкане и менплане вели сѣчу выдерживали осаду
взоромъ юноши.

Вѣкъ съ толпой миговъ Онило моей души

Сквозилъ во взорахъ онухъ и оналий сонъ

онимая,

О онель вѣзающій когти въ мойель.

ЧИСЛА.

Я вслушиваюсь въ васъ, запахъ числа

И вы мнѣ представляетесь одѣтыми въ звѣри ихъ
шкурахъ

И рукой опирающимся на вырванные дубы

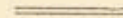
Вы даруете—единство между змѣобразнымъ

движеніемъ хребта вселенной и пляской коромысла

Вы позволите понимать вѣка, какъ чьи-то хохо-
чущіе зубы.

Мои сейчасъ вѣщеобразно расверзшиися зеницы.

Узнать, что будетъ Я, когда дѣлимое его—единица.

ВНУЧКА МАЛАШИ

(Шуточная поэма).

(Охота. Походъ Владимира
Полеть въ Ингеръ. Восстание
училищ).

I.

Скакала весело охота,
Вдымала коней на дыбы.
И конникъ, и пѣхота,
Дружина и рабы.
Дрожалъ, смѣясь, веселый рогъ,
Ему звенѣлъ поющій лѣсъ
И улыбался вѣтъ сварогъ.
Смѣясь, на землю лѣшій слѣзъ.
Олень, предсмертно взвившись въ высоту,
Вдоль поля поскакалъ
И люди съ бѣшенствомъ стонали: «голубушки, ату!»
Съ ихъ щекъ потъ ярости стекалъ.
Дичь за плечами вѣхъ ясна;
И вепри есть и козы.
Скакала весело княжна
Звенять жемчужныя стрекозы.

II.

Бѣлушъ стоялъ кусая усь
Мрачно бесѣдуя съ собой
Ну что же, русскихъ богъ ну что же, ну-съ!
Я ужъ истомленъ упорною борьбой
Къ нему по воздуху летитъ стрибожичъ,
С чѣмъ-то явственно тревожась
«Ну, что же, мальчикъ, какія вѣсти?»
Молвилъ Бѣлушъ, взглядъ глазъ впередъ долгій
Тотъ залепеталъ ему о правѣ мести,
И о славянѣ священномъ долгѣ.
«Въ знати и черни
Колыхнетъ тѣла призывъ вечерній,
—Кодокола.»
«Отъ смердича и до княгини
Старая вѣра вездѣ видѣтъ ягинеть
Кера! Кера!
Пылали глаза
Священной угрозой. Медлитъ гроза.
Право мороза.
Взоръ ледяной недвижный лушъ
Вонзаетъ медленно Бѣлушъ.
И думаетъ. «Робичичемъ быть побѣжденнымъ?
Признать рожденною рабой?
Нѣтъ! кѣмъ бы мы не побѣждены,
Мы еще помѣраемся съ судьбой!»

III.

Сухой путиной, то водой,
 Въ лѣсу буй туръ бѣжалъ гитдой.
 Глазъ красный мощно кровавѣлъ,
 Въ мохнатой спританъ головѣ
 И въ небо про туръ ревѣлъ,
 Полузавѣшанный въ травѣ.
 Скакалъ вблизи хозарскій ханъ;
 Собой благоуханъ,
 На немъ висѣла епанча,
 Край по землѣ слегка влача.
 Лицо отъ тернѣвъ холя
 Сіяли мѣхомъ соболя,
 И сабля до земли
 Шептала грохотомъ: внемли!
 Владалець множества рабовъ,
 Подужилецъ уже гробовъ,
 Онъ былъ забавенъ въ шуткахъ, милъ
 И всѣхъ живучестью томилъ.
 Слезливыхъ старчески буркалаъ
 Взоръ первой младости сверкалаъ
 Изъ-подъ стариковато мягкихъ волосенокъ:
 Лицо сіяло (остренькій мышенокъ).
 Таковъ былъ князь хозарскій, ханъ.
 Коня ѣздою колыханъ.

V.

Красныя возны
 Въ волнахъ ковыля.
 То русскими полны
 Холмы и поля.
 Среди зеленой нищеты,
 Валетая къ небу, лебедь кичеть
 И бьютъ червленныя щиты
 И сердце жадно просить стычекъ.
 Позвалъ ихъ князь
 Итти на врага,
 И въ сушь и въ грязь
 Шагалъ, нога!
 Такъ нѣженъ шагъ нѣхоть,
 Такъ мягокъ поскокъ конницъ,
 Идемъ въ походъ, Идемъ въ походъ!
 На шумъ гречанскихъ звонницъ.
 Подъ звуки дудъ
 Такъ билось ретивое.
 Впередъ идти, впередъ идти
 Въ кереяхъ вольныхъ вон.
 Впередъ идти
 Побѣдъ сны.
 Въ душѣ звукъ дудъ,
 Глаза сны.

За ними поюція села
И возгласъ играющихъ женъ
И возгласъ раздався веселый:
Врагъ окружень!
О есть ли что мечей поюнній?
Но, чу! вездѣ полеть Воюнній.
О этотъ мигъ другъ съ другомъ сѣчи
Меча съ мечами звонкой рѣчи
И странной общей встрѣчи.
Кому врага въ ага бою побяли?
То знаетъ лишь Табити.
И русскій бьетъ врага коземъ.
Тотъ, надав, дрожить.
Изъ череповъ мы воду пьемъ
Тому онъ скажетъ, кто лежитъ...
Такъ длится бой...
Дыханье затанвъ, смотрѣли боги на кровь проли-
тую борьбой.

V.

Княгиня: Въ Ирпень, друзья, студеный
Купаться нѣжныя бѣжимъ.
Нашъ трудъ уже оконченъ денный.
Отдайтесь волѣ волнъ дружинъ.
Кувшиномъ длинногорлыхъ,
Струю лія на грудь,

Забудьте бѣгъ проворный,
За вепремъ дикій путь.
Мы водному дѣду стаей,
Шутя, почешемъ съ смѣхомъ пятки.
Его семья проста
Была у насъ на святки.
Что сладостнѣй лобзаній,
Когда уста-волна,
Когда душа сказаній
Бонится и полна.
Водяной: О дочка Владимира,
Внучка рабы,
Вспомни, родимая,
Мощь Барыбы.
Въ волнѣ прочти предтечу
Связанной вѣчно встрѣчи.
Вѣдь только, только бывшій ситѣ,
Та, что знойнѣй знойныхъ нѣтъ
Такъ священно-бѣлье въ игрѣ зимъ
Мы только грезимъ, мы только грезимъ
О томъ, что лѣтомъ моцный тать.
Мы вправѣ властно испитать,
А впрочемъ, Лѣшій. Онъ власть могучимъ русскимъ
языкомъ
Пойди къ нему, съ тобой онъ, кажется
знакомъ

Княжна: Миѣ скучно, дѣдушка, среди подругъ
И я ищу кто могъ бы стать «мой другъ»
Со мной одинъ лишь хозарскій ханъ
Собой благоуханъ.

Водяной: Пойди, пойди и расскажи все это ему,
Онъ знаетъ знаній уйму.

Бережини и Лѣшіе: Мы въ себѣ видимъ
Вихрь силъ вселенной
Въ смерть, родъ-ли идемъ.
Мы—нетлѣнны.

VI.

Скажи, любезная Людмила,
Промолвишь важно лѣшіей,
Правда-ли, что тебя земная явь томилъ?
Правда-ли, что ты узнать хотѣла вещи?
Здѣсь есть пріятель мой волхвъ,
Христомъ изгнанъ изъ странъ Владимира
Онъ проскакалъ здѣсь недавно какъ
сѣрый волкъ.

Онъ бы помогъ тебѣ, родимая.

Княжна: Любезный Лѣшіей, я готова
Совѣтамъ слѣдовать твоимъ.
Найди миѣ друга, но не такого,
Какъ ханъ хозарскій, жидъ Ханякъ.
Онъ весь трясется, какъ осина.

И борода его колюча,
Ахъ! Ахъ! отъ него несетъ кривной!
Противный, злой, несносный, злоучій!
И слезы бризнули мгновенно,
Мѣшая съ влагой горечь горя.
Когда слезъ смѣхомъ пережѣна
Блестала скорая радостно во взорѣ.

Княжна: Спасибо, Лѣшіей я согласна.
Съ совѣтомъ благодѣтельнымъ твоимъ
Скажи, однако, не опасно
Съ повздорить молодымъ?
Ему замѣтно отдають
И уголь уютъ
Боговъ родимыхъ имена.
Ему покорны племена

Лѣшіей: О, этотъ молодой человекъ
Шагаетъ далеко!
Но взоръ скривай подъ тяги вѣкъ;
Понастѣйся-то легко!
Молодчикъ
Что-то скоро пошелъ по чужой землѣ
И нашихъ много вотчинъ
Въ его рукѣ
Много, очень.
Былъ лѣшіей искренно, озабоченъ.

Пѣснири: Всадникъ мой соотчичъ,
Бѣлый конь топочеть,

До веселья охочий.
Кто-то из деревни хохочет
Онъ лучезарнѣй тѣль изъ солнца
Въ его глазахъ намъ свито небо.
Онъ благословляетъ дланью хлѣба
О гнѣдь-буй туръ красавецъ!
Лети дорогою святою,
Лети мятежный небесаецъ.
Хвостомъ маша, гнѣдо-золотой!
Лѣшій: Изволь, представлю: гнѣдь-буй-туръ
Онъ будетъ радостный слуга.
Устами бѣлий балагуръ,
Несетъ въ высокіе дуга.
Пѣншии: Шею овяеть рука княжны,
Къ лицу прильнетъ княжна младая
Ей слуги мощные нужны.
Надъ всѣмъ живущіе владея,
Ты полетишь подъ облаками,
Гдѣ вѣтри облачные рвутъ
И ты опустишься, какъ камень,
Гдѣ живъ могучій Вѣдадутъ
Древяница: Я дщерь, любимая въ лѣсу,
Тебѣ безсмертіе несу.
Возьми его, вѣнка какъ бремя,
Конца не знающее время.
Сквозь листья строгій взоръ сквозя
Ты будешь вѣжная стезя.

VII.
Ихъ провожаетъ старая Табити
Прошамкать: берегитесь!
Здѣсь бродитъ около . . . .
Они восходятъ на утесъ
Ждать часа, когда тучъ сизари,
Златомъ озарени зари.
Часъ возвѣстать святой пори
Восхода солнца за горы
Въ лучахъ блаженственной игры.
Чернь смотреть жадно чудеса.
Они поднялись въ небеса,
«А я?»
Промолвилъ надобно Хаимъ.
Они летѣли, смѣхъ тая.
Имъ было весело двоимъ.
Какое дѣло мощной радости
До обезумѣвшихъ старикашекъ
До блохъ и мухъ и всякой гадости
Козявокъ, тля, червя, букашекъ?
Среди толпы, взиравшей жадно
На нихъ, летѣвшихъ въ высоту
Ханъ ѣдетъ хиурый, безпощадно
Коня терзая красоту.
И вдругъ, сосѣдъ направо глянька;

Онъ вынулъ изъ кармана склянку
И въ ротъ поспѣшно бухъ!
О чудо: коня не стало и сѣдока,
ихъ двухъ.

А вмѣсто нихъ въ синей косовороткѣ
Съ смѣющейся бородкой
Стоялъ еврейчикъ. Широкой поясъ
Онъ говорилъ, о чемъ-то оживленно-
безпокоюсь.

И рукоплесканія стяжавъ
Желанія благія повѣдавъ сосѣдствен-
ныхъ державъ

.....
Упомянувъ пошелъ куда-то.

Его провожая, вышелъ другъ брадатый.
Ханъ былъ утѣшенный въ проторяхъ и потеряхъ
И весело захлопнулъ двери.

Пронзая съ свитомъ тихимъ выси,
Касаясь головой златистой тучки

Летить сюда на хребтѣ рыси внучка,
Малуша, мать Владимира
Старинныхъ не стирая чертъ
Сквозь зорю шевелился чертъ
Онъ ей умильно строилъ рожи
Чернявыхъ не скрывая рожекъ.

И съ отвращеніемъ въ рѣчи звонко
За хвостикъ вышвырнула гаденка.
Послушень, точень, оборотень
Людмила воли поворотамъ.
Сидитъ надувши губки;
Книжна въ собольей шубкѣ
Ужъ воздухъ холоденъ какъ ледъ,
Но дальше мчитъ ихъ самолетъ
Далеко внизу варили пиво.
Звонко прои́лъ въ деревнѣ пивень.
Пахло солодомъ.
И думаетъ Людмила, Прощайте дѣ-
вочки, поюція въ Києві
О веселія, какія вы...
Вы пѣли: сѣни, мои сѣни.
И наши души были веселы.
Стало холодно
За траву густую звѣря впились, звѣря,
ручки ту же.
Онѣ слетка синѣли
И, чтобъ спастись отъ стужи
Морозной выси
Изъ рыси
Онѣ стали медвѣдемъ,
Она ему: «Куда мы идемъ?»

Онъ отвернулся и въ вѣтеръ буркъ:
Мы ѣдемъ въ Петербургъ.
Летать въ слоѣ лединой стужи.
О долѣ миломъ дѣва тужить.
Къ холоду нѣжна
Скужила княжна
«Напрасно чернаго пѣтушенка
Стрибогу въ жертву не дала»
Могла бы сообразить, дѣвчонка,
Что здѣсь ни печки, ни кола»
И вотъ летать въ землѣ турьяномъ
Туда, гдѣ золотомъ Исакій манить
И прямо сверху отъ солнечнаго лучьбища
Они летать въ домъ женскаго всеучьбища
Съ осанкой важной величава
Она осматриваетъ (всѣхъ окружающихъ
забава)

Во первыхъ: помѣщеніе,
Воздухъ,
Освѣщеніе
И все, что городъ умный создалъ
И заключаетъ: «Я-бъ задохнулась, лиса
лѣсная въ силкѣ,
Въ семь прескучномъ уголкѣ»
Но что вы дѣлаете? «Мы учимся» со-
гласно дѣвамъ отвѣчали

«Стремимся къ лучшему».
«Вы учитесь. Чему?»
Ея глаза блистали лучами гнѣва въ
началѣ.

Пріятно, весело въ лѣсу
Сознать первичную красу.
Надъ нами вѣетъ навъ*) сугробъ
Училицы: Она права! Она права! Въ ея словахъ
есть рокоть бури.

Къ вѣнду зеленыя права,
Вѣжнѣ, гдѣ зелены поля,
Себя свободными узнавъ.
Свои учебники пали,
Мы учителей дрожимъ: въ нихъ Навъ*)
О солнцѣ тамъ, о солнцѣ тутъ
—Ихъ два!—Ихъ два!
Въ насъ крылья радости растутъ
Едва, едва!
Мы одѣнемъ, одѣнемся въ зелень
Побѣжимъ въ голубые луга,
Гдѣ пролиться на землю грозѣ лѣтъ,
Насъ покинетъ училицѣ тутъ
И простремъ мы зеленую вайю**)
въ высоту.

*) Навъ—олицетвореніе смерти.

***) вайя—вѣтка.

И возславимъ, священныя, ваю^{***})
красоту.

Пріятно въ нежити дубравной
Себя сознать среди равныхъ равной.
Пріятно общность знать племенъ
Потерявъ въ толпѣ древяницъ
И передъ не имѣющимъ именъ,
Благовѣя, падать ницъ
Но что пріятнаго, отвѣйте,
О дѣвушки младыя,
Вотъ стѣны каменныя эти
И преподаватели глухіе?
Ихъ лысины сіяютъ
Какъ бурей сломенныя древа
А изъ подъ ихъ словъ о красотѣ зіяютъ
За деньги нанятая черева,
Въ зубахъ блистаютъ зерна злата,
Сердце налила жидкимъ ртуть,
Они надъ ужасомъ заплата.
Они смѣхучей смерти суть
Вапно покрылъ лавки, столъ.
На славу вапненъ желтый гробъ
Я васъ спасти отъ смерти солъ

Училищи Слава, слава тебѣ, поборовшей вѣка
Въ этомъ во всемъ была давно когда-то

***) ваю род. п. 2 ч. отъ „ва“.

Нашъ принесшей завѣты Владимира
Наша цѣль, наша цѣль далека
Мы тобою поидемъ предводимыя
Бѣгущія съ огнями, О гей-э, гей-э, гей-э
Загорайтесь буйно свѣты
Зажигайте дождь учинъ*)
Смолы летите съ вѣтокъ
Шире, выше свѣтъ лучинъ!!
Вонъ учителя бѣгутъ толпой
Съ обезумѣлыми тѣлами
И съ тоскою на лицахъ тупой
Бурно плещими жара лозами.
Сюда, Сюда несите книги,
Слагайте радостный костеръ,
Опѣ—свирѣпныя вериги.
Тѣла терзавшія сестеръ.
Вонъ златовѣя мѣднымъ шлемомъ.
Пожарныхъ мчится гордый станъ,
Дѣвы, гнемъ мы.
И ранимъ раной древнихъ ранъ.
Сюда, учимцы младия;
Въ союзъ съ священными огнями
Чтобъ струи хлѣбей золотыя

*) Учитьсѣ—учеше.

Отъ насъ чужіе не отняли
Слагайте черныхъ труповъ прелесть
Въ глазницахъ черный круглый черепъ
И сгнившую учебно челюсть
И образцы черевъ
И мясъ зеленыхъ древе мерзости
И давнихъ труповъ навину*)

дерзости,

Когда пахали новину
Челпановъ, Чижъ, Ключевскій
Каутскій, Бебель, Габричевскій
Зерновъ Пассекъ—всѣ горите!
Огней словами—говорите!
И огнеоко любиря
Приносятъ древнія свирѣли . . . . .
При вопляхъ «жизни сокъ бери!»
Костры багряны догорѣли . . . . .

*) Навина—власть смерти.

ЧЕРНЫЙ ЛЮБИРЬ.

Я смѣриши смѣхочествъ
Смѣхистелино беру
Нераскаленныхъ хохочествъ
Книъ злооку—губирю.
Пусть гоночичъ, пусть хохотчичъ
Голо гоиъ голопѣй
Словамъ дивныхъ застрекочствъ
Насъ сердцама закнѣй
Въ этихъ глазкахъ вѣдь глазищемъ
Ты мотри, мотри за торкой
Поднимается луна!
У смѣшливаго Егорки.
Есть звеняція звена.
Милари зовуть такъ сладко
Погужить за лѣсомъ совкой
Ай! Ахъ на той горкѣ
Есть цѣточекъ куманка заманка

Я нахожу, что очаровательная погода
И я проши милаю ручку
Изяццо переставит удареніе
Чтобы было ровно: смерть съ кузовкомъ идетъ по года
Вонъ тамъ на дорожкѣ бѣлый столъ и стоитъ видѣ-
нїга.

Вечерь-ли? Дерево? Прихоть моя?
Ахъ, позвольте мнѣ это слово въ видѣ нїги!
Къ нему я подхожу съ шагомъ изящнымъ и отнѣ-
нымъ
И, кланяясь, зову: если не отрицаете значеніе любви
чарь,

То я зову васъ на вечеръ.
Тамъ будутъ барышни и панны
А стаканы въ рукахъ будутъ пѣнны.
Ловя руками тучку
Вѣтеръ получаетъ ударъ ея и нея.
И согласно махнувшіе въ глазахъ свѣтляки
Мнѣ говорятъ, что сношеня съ загробнымъ міромъ
легки.

В. Маяковскій.

I. Исчерпывающая картина весны.

Лис—
Точки
Послѣ
Точки
Строчек
Лис
—Точки.

II. Отъ усталости.

Земля дай исцѣлюю твою лысѣющую голову
Лохмотьями губъ моихъ въ пятнахъ чужихъ позоложь
Димомъ волосъ надъ пожарами глазъ изъ олова
Дай обовью я внамя груди болотъ
Ты насъ двое ороненныхъ загнанныхъ ланями
Вздыбилось ржанье осѣдланыхъ смертью коней
Дымъ изъ за дома догонитъ насъ длинными дланями
Мутью озлобитъ глаза догнивающихъ въ ливняхъ
огней.

Сестра въ богадѣльняхъ идущихъ вѣковъ
Можетъ быть мать мнѣ сыщется
Бросилъ я ей окровавленный пѣснями рогъ
Квакая скачетъ по полю канава зеленая сыщца
Насъ заневолить веревками грязныхъ дорогъ.

III. Любовь.

Дѣвушка пугливо куталась въ болото
Ширлились зловище лягушачьи мотивы
Въ рельсахъ колебался рыжеватый кто то
И укорно въ букляхъ проходили локомотивы
Но въ облачныхъ пары сквозь солнечный угаръ
Врѣзалось бѣшенство вѣтряной мазурки
И вотъ я—озноенный июльскій тротуаръ—
а женщина поцѣлуй кидаетъ какъ окурокъ
Бросьте города глухие люди
Идите голые лить на солнцепекъ
Пыльная вина въ мѣха—груди
Дождь поцѣлуй въ угли—щеки

IV. Мы.

Лѣ—
Зем
Зем—
Лѣ

Выколоти бѣлыя пустыни
На губахъ каналовъ дребноутовъ улыбки поймать
Стынь злора
На костеръ разожженныхъ созвѣздій взвести
Не позволю мою одичавшую, дряхлую мать

Дорога

Рогъ

Ада

Пьяни грузовововъ храни
Дымящіеся поздри вулкановъ хилемъ расширь
Перья линяющихъ бросимъ любимимъ на пляны
Будемъ хвосты на боа обрубать у кометъ ковмляю-
щихъ въ ширь

V.

По эхамъ города проносятся шумы
На топотѣ подошвъ и на громахъ колесъ
А люди и лошади это только грумы
Слѣдщіе линии убѣгающихъ косъ
Пронесутъ дѣвочки крохотные шумики
И ящички гула пронесетъ грузовозъ
Рисакъ прошуршитъ въ сѣтчатой туникѣ
И трамвай расшлепчетъ перекаты грозъ
И всѣ на площадь сквозь тоннели пассажей
Плывутъ кавалами перекрещенныхъ думъ
Гдѣ мордой перекошенный размалеванный сажей
На царство толкучекъ коронованъ—шумъ

Я.

По мостовой моей души
Изъезженной
Шаги помѣшанныхъ
Вьютъ жесткихъ фразъ пята
Гдѣ
Города
Повѣшены
И въ петлѣ облака застыли башенъ кривыя
Выи
Иду одинъ рыдать что перекресткомъ
Распяти
Городо—

выс.

Нѣсколько словъ о моей женѣ.

Морей невѣдомыхъ далекимъ пляжемъ
Идетъ луна
Жена моя
Моя любовница рыжеволосая
За экипажемъ
Крикливо тянется любовь созвѣдѣй

Пестрополосая

Вѣнчается съ автомобильнымъ гаражемъ
Цѣлуется съ газетными киосками
А шлейфа млечный путь моргающимъ пажемъ
Украшаетъ мишурными блестками.

А я

Несъ-же палимому бровей коромысло
Изъ глазъ колодезь студеныя ведра
Въ шелкахъ озерныхъ вѣдь ты же висла
Янтарной скринкой пѣли бедра.

Въ кра—я

Гдѣ злоба крышь не кивнешь блестящей лѣсни
Въ бульварахъ я тону тоской песковъ овѣянъ
Вѣдь это—жъ дочь твоя моя же пѣсня
Въ чулкѣ ажурномъ

У кофеенъ.

О моей мамѣ.

У меня есть мама на васильковыхъ обояхъ
А я гуляю въ пестрыхъ павахъ
Вихрастыя ромашки шагомъ
Мѣряя мучу
Заиграетъ вечеръ на тобожахъ ржавыхъ
Подхожу къ окошку вѣра я

Что увижу опять съвную

На домъ тучу

А у мамы больной пробѣгаютъ народа шорохи

Отъ кровати до угла пустого

Мама знаетъ это мысли сумашедшей ворохи

Вылѣзаютъ изъ за крышъ завода Шустова

И когда мой лобъ вѣнчанный шляпой фетровой

Окровавить гаснущая рама

Я скажу раздвинувъ басомъ вѣтра вой

Мама

Если станетъ жалко мнѣ вазы

Вашей муки

Сбитой каблучками облачного танца

Кто же паласкаетъ золотия руки

Вивѣской изъ заломанныя

У витринъ Аванцо.

Теперь про меня.

Я люблю смотрѣть какъ умираютъ дѣти

Вы приборъ смѣха мелистмѣй вазъ

Замѣтили бъ за тоски слововымъ хоботомъ

А я

Въ читалнѣ улицъ

Такъ часто

Перелистывать

Гроба

Томъ

А полночь промокшими пальцами щупала
Меся и забытый заборъ
И съ каплями ливня на лисниѣ купола
Скакала сумасшедше соборъ
Я вижу .... сквозь городъ бѣжала
Хитона овѣтренный край цѣловала плача сля-
котъ
Кричу
Киричу
Словъ иступленныхъ вонзаю кинжалъ
Въ неба распухшаго
Мякотъ
Солнце.
Отецъ мой скалься жъ хоть ты и не мучай
Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою
Дольней
Это-жъ душа моя клочьями порванной тучи
Въ выжженномъ небѣ на ржавомъ крестѣ коло-
кольни
Время
Хоть ты хромой богомазь ликъ намазюй мой
Въ божницѣ уродца вѣка
Я—жъ одинокъ какъ послѣдній глазъ
У идущаго къ слѣпымъ
Человѣка.

Б. Лившицъ.

ТЕПЛО.

Вскривай ореховый животъ,
Медлительный палачъ бунжмена;
До смерти не растаетъ пѣна
Твоихъ старушечьихъ заботъ.

Изъ вѣчно-желтой стороны
Еще не додано объятий—
Благослови пяту дитяти.

Какъ парусъ, падающій въ сны.
И мирно простираясь ницъ,
Не знай, что за листьями канувъ,
Павлиний хвостъ въ ночи кургановъ
Сверлитъ отверстія глазицъ.

ВОКЗАЛЬ.

ДАВИДУ БУРЛЮКУ.

Мечемъ снова опять разбуженный паукъ
Закапать по стеклу корявыми ногами.
Мизерикордией!—не надо лишнихъ мукъ,
Но ты въ дверяхъ жуешь лѣниво сапогами,
Гладишь на лысину, плывущую изъ розъ,
Окоченѣлыхъ розъ молочнаго прилавка,
И въ животъ твоемъ подъ вѣтеркомъ стрекозы
Легко колыхнется подстриженная трава.
Чугунной молніей извивъ овечьихъ бровь!
Я шею вытянулъ во слѣдъ бѣгущимъ овцамъ,
И снова спитъ паукъ, и снова тишь и сонъ
Надъ мертвыми—на скамьѣ—въ хвостахъ—винотор-
говцемъ.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

В. Каменскій.

ОТЪ ІЕРОГЛИФОВЪ до А

На потолокъ души качается
съ хвостомъ улыбки
электрическая люстра
утровечерія сестра
ржавый кучеръ заратустра
вѣщается съ невѣстами
стами поэмами
железобетонными
въ платьяхъ изъ тканей
ИКСЛУЧЕЙ
энергии журчей
МІРУТРЪ = взвѣсть
цветистую рекламу
на синемъ бархатѣ изъ
линей буквъ
трамвайныхъ искръ
хрустальной талостью
РЕКОРДОВЪ ВЫСОТЫ
+ 3,15
кислорода

вознести оглоблями судьбу
извѣстій
РАДИОТЕЛЕГРАФА
съ острова равата
гдѣ ради графа или лорда
уничтожили воинственное племя
ЛЮДЕЙ-РАСТЕНІЙ
съ крыльями
вершинныхъ птицъ
хаматсу-хаву
ПЕРВЫХЪ АВИАТОРОВЪ
прилетѣвшихъ къ
Соломону
на постройку храма
первыхъ прочитавшихъ
сверху ПУТЬ ЗЕМЛИ —————

НЕБОВЕСНУЮ ПѢСНЕПЯНЫЙ

На ступеняхъ пѣснопянствуютъ
пѣсняники босикомъ
расцвѣтаіемъ цвѣтанствуютъ
тая нѣжно снѣжный комъ
визгомъ смѣхомъ крикомъ эхомъ

расплесканиемъ съ коней
утро ранимъ росомѣхомъ
на игривыхъ гривахъ дней
со звенчальными звенчалками
зарерайскихъ тростниковъ
раскачаютъ укачалками
грустиоокихъ грустниковъ
небовеснить манить далами
распыляя сокъ и мѣдъ
завивая завуалами
раскрыляетъ мой полѣтъ
путь безпутный вѣтровѣющимъ
къ пѣсникамъ босикомъ
я лечу солнцелѣющимъ
таю вѣжно снѣжный комъ

А. Крученыхъ.

I.

Миръ кончился. Умерли трубы...
Птицы желѣзныя стали летѣть
Тонуцкиѣ мокрые чубы
Кости желѣющей плоть.

Миръ разокончился... Убраны ложки
Тины глотайте бурду...
Тинше... и ниже поля дорожки
Чертъ распустилъ бороду.

II.

ВЫСОТЫ

(ВСЕЛЕНСКИЙ ЯЗЫКЪ)

е у ю
и а о
о а
о а е е и е и
о а
е у и е и
и е о
и и и и и и и

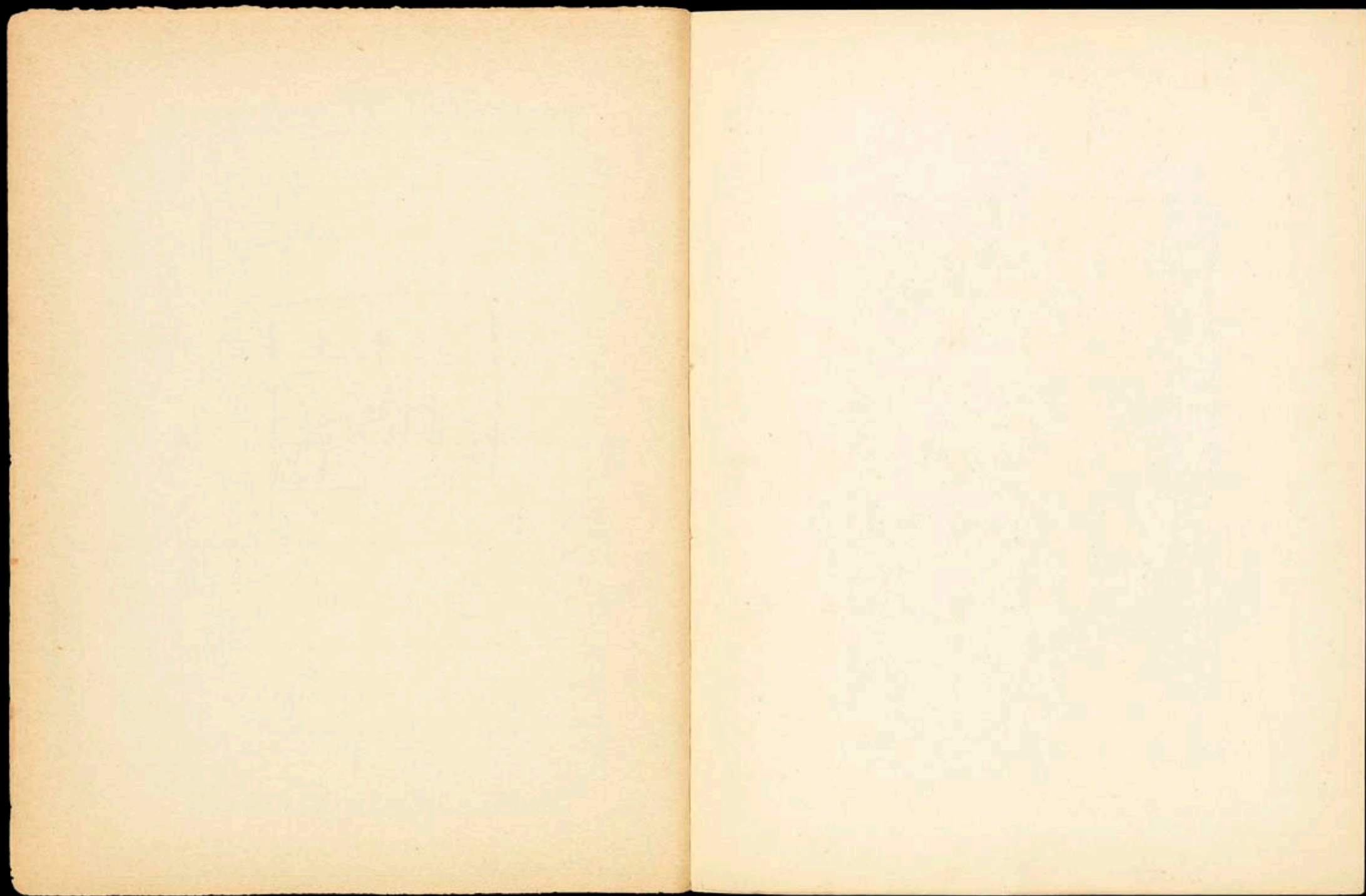
Николай Бурлюкъ.

рис.

В. Бурлаков.

ТРУБАЧЬ.

Весной стремительный дождь моет улицы. Бурая вода бьжит потоками къ разлившемуся Дибру. Струйки шевелятъ побѣги уличной травы. Вознесенныя облака ускоряютъ полетъ къ югу. Солнце дрожитъ въ синихъ провалахъ.

Ты, читатель, старый или молодой,—радъ веснѣ. Открывъ утромъ окно, засматриваешь на вершины провинціальныхъ деревьевъ,—голубое-сіяніе овнло вѣтви, и птицы на нихъ быстры какъ первые цвѣты.

Ты,—идешь въ гавань вдыхать запахъ смоленыхъ и грѣть свою старую спину...

Ты,—катаешься на лодкѣ и проводишь ночи въ строгомъ и торжественномъ воздухѣ весеннихъ лѣсовъ. А ты,—просто сидишь на бульварѣ и ищешь слово весну въ проходящихъ глазахъ.

Надъ дворами, надъ улицами, надъ городомъ стоитъ эхо.

Это не стукъ экинажей, не звонъ колоколовъ—это дѣти кричатъ веснѣ. Съ каждымъ лучемъ, съ каждой каплей дождя она исходитъ благодатная...

Я же, старый палица, тоже ей радъ. И когда меня тащатъ въ участокъ, я, уцѣпившись за водосточную трубу, срываю ея суставъ со стѣны. Меня несутъ съ нимъ,—меня—пьянаго трубача нечелюстныхъ веснѣ.

ГЛУХОНЪМАЯ.

Вѣтеръ несетъ пыль. Сегодня вѣтрено съ самаго утра, и пыль повсюду. На подокошникъ она ложится звѣздами, на раскрытой исторіи Египта замечаетъ пирамиды и храмы. Сѣрой маской покрыва лица глядищихъ, траву и деревья.

Скрипнуть раскрытое окно;—все желто и сѣро; на зубахъ хруститъ песокъ. Вѣтеръ проноситъ пыль—моя душа глухонѣмая проводить дни не понимая—напѣваю чуть слышно.

Въ домѣ убираютъ. Напрасно, забывшись въ уголки, улеглась пыль;—се метутъ, поливаютъ, вытряхиваютъ, выбиваютъ...

Черезъ цвѣтникъ съ пыльнымъ и вѣсомнымъ занавою, подъ опадающимъ боскетомъ прохожу въ садъ. Съ шумомъ клонятся деревья. Налетая на шипы гледичій и акацій, пробѣгаетъ первый листъ.

Въ саду метутъ аллею—работницы и сторожъ.

Одна изъ дѣвушекъ занозила ногу, а другая вынимаетъ занозу штопальной иглой. Изъ ранки уже бѣжитъ кровь.—Моя душа глухонѣмая проводить дни не понимая.—На грудяхъ потерта кофта и просвѣчиваютъ бурные сосцы. Я иду дальше а она, ухвативъ руками ступню, дико смотритъ вслѣдъ.

Перекатившись черезъ валъ дерезы, вѣтеръ бѣжитъ въ поле, мечетъ колосыя и взрываетъ конны.

Далеко на самую горизонтъ вспыхиваетъ онъ по дорогамъ, сожигая гарбы и лошадей. Сквозь гуль деревьевъ доносится со степи глухое завываніе молодилки.—Моя душа глухонѣмая проводить дни не понимая. Оторванный отъ птицы хрипый крикъ несется сквозь пробитыя завѣсы деревьевъ. Пыль шурша бѣжитъ по сухимъ дорожкамъ.

Въ саду метутъ аллею—работницы и сторожъ.

Дѣвушка завязала ногу красной тряпкой и машетъ метлой. Я прохожу—Моя душа глухонѣмая проводить дни не понимая.—Дура! Отобди! Видишь паначъ идти!—Что Вы на нее кричите, какъ вамъ не стыдно!—Ей ничего, баринъ,—она глухонѣмая.

Проданный богъ.

Такъ изнемогшій и безслѣдный
Слѣжу склоненное свѣтило
Иное пламя охватило,
Мой взглядъ жестокой и безцвѣтной.
Влекусь къ спѣвающимъ перекресткамъ,
Шепчу кому-то увѣренія,
И дышетъ тонкій вѣтеръ тлѣнья
На смѣхъ дряхлѣющимъ подросткамъ.
И слѣдъ на мокромъ троттуарѣ
Затопчетъ бѣлыми ногами
Иной купецъ въ угоду дамъ.

Пещась о проданномъ товарѣ,
И ты, подкупленный возничій,
Запутавъ слѣдъ въ вечернемъ градѣ
Божественныхъ облачій ради
Въ паноптикумъ его сведешь.

—
* * *

Пускай я тихій окологородный
Иль въ фартукѣ забитый другъ
Я слишкомъ трезвъ для чести водочный
Оббивъ сургучъ о сѣрый уголь
И знаю пламенежь палимыи
Необожженныя уста
Ихъ небольшая высота
Дала мнѣ разсмотрѣть земными.

—
Людей вечернихъ томное званіе—
Я вижу отдаленный брегъ
И чье-то коричнее стараніе
Направить въ море лодки бѣгъ
И парусъ вѣтренный увянувши
Покрываетъ измученныхъ людей.
И мальчикъ, съ челна въ волны прыгнуши,
Плѣнился холодомъ грудей.

Предъ деревомъ я нѣмъ:
Его зеленый голосъ
Звучить и шепчетъ всею
Чей тонокъ день, какъ волосъ
Я жъ мелкою заботой
Подневно утомленъ
Печальной дремотой
Согбенъ и униженъ,
И зрю, очнувшись въ полѣ,
Далекій бѣгъ зарницъ
И чую поневолѣ
Свистъ полуночныхъ птицъ.

ЛЕДЯННЫЯ ДОРОЖКИ.

Я шелъ черезъ Тучковъ мостъ. Слегка морозило
и тонкій снѣгъ покрылъ мостовую и троттуаръ. Выйдя
на дамбу съ Петербургской стороны смотрѣлъ на
оголенный Петровскій паркъ и одиотонно свернувшееся небо.

Съ моста на мостъ тянулись вереницы ломови-
ковъ, гремѣли трамваи, мелькали моторы, а извоз-
чики, какъ тараканы гурьбой то наѣзжали, то рѣдѣ-
ли. Дѣловито спѣшили чиновники, какіе-то господа
въ истрепанномъ штатскомъ, сумрачные студенты и
курьетки. Мальчики изъ лавки, разносчики, жен-

вдвину въ драпкахъ кацавейкахъ шла и безмысленно и устало. Рядомъ съ подводами, то ободря и безъ того старательныхъ лошадей, то сосредоточенно сбивая кнутовищемъ снѣжную пыль съ грубой обуви, плелись возчики.

Снѣгъ пѣжнимъ туманомъ скрывалъ и фасады первыхъ домовъ и безконечную улицу. На выбитыхъ проходимыми плитахъ троттуара кой-гдѣ блестѣли длинныя замерзшія лужицы.—опасность и недовольство цѣловатаго горожанина. И разнощники и мальчики изъ лавокъ при видѣ ледяного пятна, передъ этимъ безразличныя и спокойныя, лукаво улыбунылись, подбѣгали и, пройдя два, три шага, продолжали путь невозмутимыя и бездумныя. Это, пожалуй, были все молодые, но вотъ, одинъ изъ возчиковъ, съ насупленными бровями и спутанной сѣдой бородой, въ мѣховой шапкѣ съ распущенными ушами,—оборванный и угрюмый, заторопился и перегнувшись, проскользнулъ ледяную дорожку. Потомъ удовлетворенный сошелъ на мостовую и снова нависли брови и зацѣпилиася сѣдая борода.

Я подумалъ немного погоды:—не такъ ли скользятъ душа на вѣрныя тебѣ, муза, путяхъ.

АРТЕМИДА БЕЗЪ СОБАКЪ.

Я люблю гулять ночью. Но не въ городѣ. Нѣтъ. Я люблю гулять ночью только тамъ, гдѣ городъ обрывается—въ паркахъ, по набережнымъ, по крышамъ. Городъ имѣетъ ворота и ночью онѣ открыты для входящихъ, но больше для выходящихъ... Ахъ! Больше для выходящихъ...

Если-бы я могъ гулять каждую ночь, я когда-нибудь увидѣлъ бы пришельца, но я долженъ вести регулярную жизнь и гуляю рѣдко. Должно быть поэтому я увидѣлъ только уходящихъ. Городъ гонитъ дармоедовъ. Ночью всѣ заняты. Больше ночью, чѣмъ днемъ поддерживаетъ жизнь черный ченецъ сурого неба. Когда выпадетъ первый снѣгъ городъ играетъ въ четъ и нечетъ,—бѣлые берега,—черная вода.

Однажды я шелъ со знакомой по Ждановской набережной и спросилъ ее.—«Любите ли Вы снѣгъ?» Была поздняя ночь и мы шли медленно. На другой сторонѣ Ждановки чернѣли деревья Петровскаго парка и кривились сарайчики для зайцевъ и сѣверныхъ оленей. Отраженіе деревъ шевелило подъ нашимъ берегомъ черныя пальцы. Я сжалъ ея пальцы въ черныхъ перчаткахъ и спросилъ.—«Любите ли Вы слѣды оленя на снѣгу?»

Гудѣли телеграфные провода;—незримый вѣтеръ колебалъ упрутїя тетивы. Снѣгъ дугового фонаря ложился повсюду изломанными стрѣлами. Лукаво улыбуившись она сказала: «Ты меня спрашиваешь, люблю ли я снѣгъ и слѣдъ оленя на снѣгу. Да, пожалуй, люблю, если ты олень,—у нихъ такія славныя мордочки».

Мы спустились къ самой водѣ. Черныя струи омывали бѣлый иней гнѣлыхъ столбовъ. Наклонившись къ самому лицу я спросилъ ее: «да? или нѣтъ?»—Но она ничего не отвѣтила.

Нѣтъ, простите, я ошибся. Просто гулялъ одинъ и задумался. Никто не спрашивалъ, никто не отвѣчалъ. Дошелъ до Колтовской набережной и по Спасской вернулся домой.

Сегодня утромъ за чаемъ читаю въ Биржевой газетѣ:—«Вчера поздно вечеромъ на Колтовской набережной была задержана неизвѣстная женщина совершенно нагая и, повидимому, умаищенная. Несчастная спустилась съ набережной въ воду, въ томъ мѣстѣ, гдѣ труба желѣзопрокатнаго завода спускаетъ пары и горячую воду. Появленіе женщины было замѣчено, ее накрыли дворницкимъ тулупомъ и отирали въ больницу».

Нѣтъ!—то была не она! Артемида безъ собакъ... Это невозможно?!... хотя...?

СЛѢПОЙ ГОРОДЪ.

Въ Питерѣ биваютъ странные вечера. Октябрьскій воздухъ, и безъ того влажный, пронизавъ тончайшею пылью дождя, фонари бросаютъ желтый свѣтъ на торопливо уходящую толпу, а темные фасады домовъ ложатся грудью на шевелящуюся улицу. Вы заговорились, идете торопливо подъ намокшимъ зонтомъ, поднимая его то надъ гвардейцемъ, то надъ блѣднымъ студентомъ... и вдругъ—тамъ, надъ фасадами, надъ чернымъ лѣсомъ трубъ закачалась еще влажная звѣзда, другая, третья... и только видно, какъ вѣтеръ уноситъ освѣчивающіе клочки сѣдого тумана. Выходите на Большой. Газетчикъ спѣшитъ вручить послѣднія извѣстія о Балканскихъ славянахъ, взглядъ бѣжитъ по затуманеннымъ витринамъ: голова кружится отъ дневной усталости и вечерняго шума.

Небо скрыто подъ кирасой пестраго цвѣта. Ноги забываютъ устойчивость троттуаровъ. Изрѣдка мелькають лица послѣднихъ дневныхъ прохожихъ и части лица въ котелкахъ съ бритыми физиономіями.

На углу у булочной толпа.—Студенты, женщины въ платкахъ, заводской буржуа съ покупкой, мальчики изъ лавки. Два дворника въ бѣлыхъ фар-

тукахъ удерживаютъ высокаго человѣка. Онъ разъяренъ и тщетно старается ударить своего противника, насмѣшливаго и задорнаго парня,—можетъ быть полотера. Послѣдній увертливъ и хрипло кричитъ.— Слѣпой, а еще лѣзетъ!..

Когда я протискивался ближе слѣпому уже повелел и я цокну эти бѣлые глаза, какъ отвѣчивающіе ключъ сѣдого тумана.

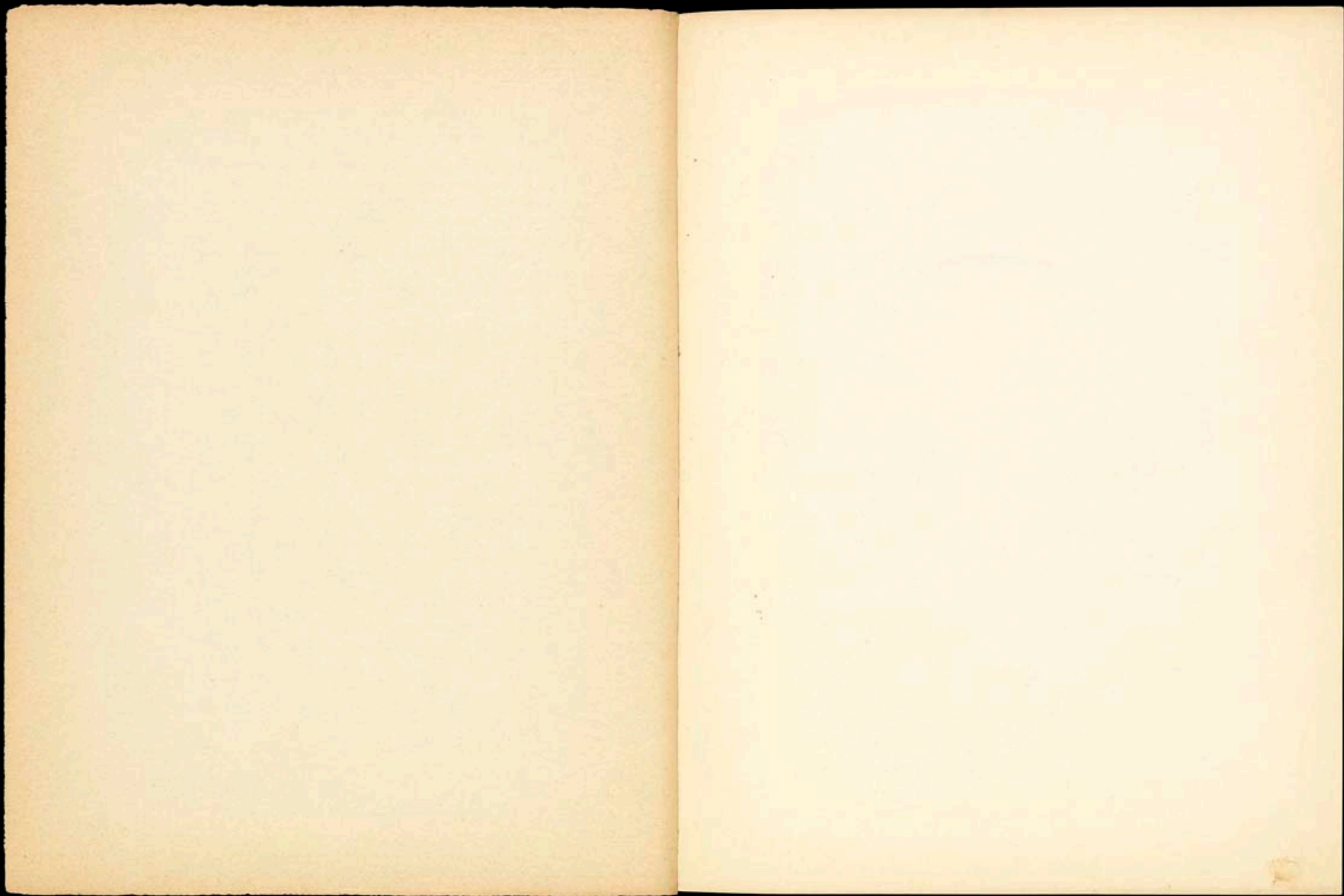
ТРАВА МАТЕРЕЙ.

Мнѣ сегодня грустно. Дворъ поросъ калачиками, домъ деревянный, сѣрый. Полдень и тишина. Дворъ большой и запущенный, гдѣ крапива, гдѣ доухи и всюду полынъ. Дворъ большой, а я маленькій, потерялъ перочинный ножъ и не могу найти. Болголовъ въ красныхъ пятнахъ, а полынъ съ блѣдножелтыми бубенчиками. Душно, солнце печетъ и голову, и дремлетъ. Мнѣ душно—пахнетъ полынью и кричатъ протяжно пѣтухи. Въ бурьянѣ пауки протянули сѣти и стряхиваютъ зеленую лебеду. Бреду по цѣлкимъ травамъ и нищу шума. Всюду тихо—звенять мухи и трещать сверчки. Мнѣ очень грустно и хочется плакать. Въ углу двора пропастъ хламу — тнимя

оковина рамы, кровельное желѣзо, балки, стропила и дверь: краска слѣзла, видна желтая сосна и выступила сосна. Подъ дверью, должно быть много мокрицъ. Пахнетъ полынью и мнѣ грустно. Дай, стану на дверь.

Солнце печетъ голову и дремлетъ. Пахнетъ полынью и выступила красная смола. Я стою на двери—и плачу. Пахнетъ полынью. Мнѣ грустно и вчера и сегодня и завтра.

Давидъ Бурлюкъ.

рис.

Л. Бурачки.

и. А. Р.

Ор. 75. Каждый молоде молоде молоде
Въ животѣ чертовскій голоде
Такъ идите же за мной...
За моею спиною
Я бросаю гордый ключъ
Этого краткій спичъ!
Будемъ кушать камни травы
Сладость горечь и отравы
Будемъ лопать пустоту
Глубину и высоту
Птиць, звѣрей, чудовищъ, рыбъ,
Вѣтеръ, глины, соль и зыбь!
Каждый молоде молоде молоде
Въ животѣ чертовскій голоде
Все что встрѣтимъ на пути
Можеть въ пищу намъ идти.

МЕРТВОЕ НЕБО.

Ор. 60 «Небо—труп»!! не больше!
Звѣзды—черви—пьяные тузаномъ
Усирияю боль ше—лестою обманомъ.
Небо—сирадный трупъ!
Для (внимательныхъ) міоповъ
Лижущихъ огрратный крушъ
Жадною (ухваткой) эфіоповъ.
Звѣзды—черви—(гнойная живая) сычъ!
И охваченъ вязью вервѣй
Крика вишь.
Люди-звѣри!
Правда звукъ!
Затворяйте же часы предверій
Зови рукъ
Науку.

«Безъ Н.»

Что прилинала чарка
Къ ихъ губамъ
Смла товара
Къ гробамъ
Золотымъ
При захѣ.

Косажъ витимъ
Рукъ
Мертвцы утопають рѣкахъ
Льстецы вѣкахъ.

«Безъ Р и С.»

Ленеты плавно
Мокнуть забавно
Въ итогахъ
Въ погодахъ забытыхъ пѣшеходами.

«Безъ А.»

Кони топотомъ
Торопливо
Шовотомъ итрово подъ явой несутъ.

Безъ Р.

Ор. 61. Отъ тебя нахнеть дѣлочками
Ты плѣнный май
Лицо веснушками
обнимай точками

Небо у тебя учился
Не мучиться
Свѣтомъ тучками

Тинучками
Тянется
Манить всякого
Ласково
Лас-
ковы
Подъ
ковы
Подковы
Его повалило.

Ор. 46. И выжилая умъ какъ губку
Средь поиски неутробныхъ красть
Ты какъ дикарь древесъ зарубку
Намекомъ замѣняешь гласть
Тогда вмигнувшему слѣпо
Живымъ стремленіямъ уютъ
Кричать тогна палачъ свирѣный
Ты не профеть—ты жалкій плутъ.

Ор. 47. Умерла покрывшись дрепомъ
Доже пахло привимъ тминомъ
Золотую паутиной
Мыслей старыхъ тной

Умирала въ звукъ клавишъ
Опадала тихострунно
Рѣчкой вешнею поддувной
Сжавъ свои задачи умно.
Такъ подъ грязнымъ мутнымъ денотъ
Прожила непогода
Освѣрѣшаго народа
Утомленного припада
Не приблещь и не зазвнѣть
Ни болѣзнью, ни заботой
Нерадѣющей остротой
Проходящей шумно ротой.

Ор. 49 I. И имѣлъ трехъ женъ
Каждая изъ нихъ была ревнива
Мечъ вышель изъ ноженъ
Вѣтеръ узкаго залива
Была бѣла какъ солнце грудь
Лука покрыты боярышникомъ
Ну же скорѣ принудъ
Встать снхъ боярышень кожь
Небо казалось синимъ озеромъ
Свѣтило бѣлой лодкою
Измѣрялось время мозеромъ
Часы заполнялись молодкомъ

Изъ узкого тонкаго горлышка
Канало оно слезками
Все принималось за вздоръ
Лишь казалось помято повозками

Ор. 50. II. Онъ жилъ забушкѣ пивкой
И день и ночь
А вблизи пурпуровою ниткой
Бѣжали прочь
Онъ закрывалъ причудливо словами
Провалы дни
И ближніе качали головами
На меня
Тогда онъ построилъ дворецъ
И прогнать всѣхъ прочь
Висился грузно телецъ
Совершая почь
Данлись рукоплесканья
Текла толпа
Какія-то сказанья
Видясь у столпа
Дворецъ сталъ его голгофой
Кто же былъ пилатомъ
Кто стучался **Однобровой**
Къ его лагамъ
Ты заковала въ эти латы
Неспроста

Судьба Судьба куда вела ты
Его съ поста
Судьба Судьба кому сказала
Ты первый часъ.
Что опустѣла зала
И умеръ газъ

Ор. 53. Тридцать три дни гдѣ мертвою сипиною
Быть поднять мыслей этихъ скорбный грузъ
Гдѣ цѣли были названы виною
Шары каменные предъ горла лузъ
Молчите! станьте на колѣни
Пророки облака пѣка
небесъ беззубыхъ бурныхъ ступени
И паровозъ гигантъ и шумная рѣка!!

Ор. 54. У кровати докторовъ
Слушимъ сдержанное пѣнье
Вѣтеръ далекий поведенье
Извѣтшала дряхлая ровъ
Наступаетъ передышка
Мнеть подушка валий бѣсъ
Тряска злоба и одышка
Закисаетъ желобокъ

За окномъ плетется странникъ
Моетъ дождь пороги армянъ.
Засосать его предбанникъ
Весь раскисъ размякъ
И съ улыбкою продажной
Сѣлъ на изголовьи тучъ
Кудрявъ-радость-солнце-важною
Грязью бросивши опучъ.
За его кривою спиною
Умѣхуся я какъ-нибудь.
О вѣваетъ сѣдиною
Нарубивши канцелярскую грудь.

Ор. 56. Мы бросали мертвецовъ
Въ деревянные гроба
Нанювающихся льстецовъ
Безтоковая гурия
Такъ проклятые
За проклятые
Такъ заклятые за заклятые
Мы услышали тогда...
Звѣзды глупили игриво
Закончили гроба пиво
Такъ тоска-Всегда
Наши души были грады
Мы вломили крутой толною
Разнощипанные паряды

Голубому водоюю
Безконечной чередою
Застывая у перилъ
Мы смотрѣли какъ водою
Уносился кровный вѣтъ
Такъ забвенье наслаждение
Уложение повелѣние
Печезало въ тотъ же мигъ
Справданье наводнение
Габлю золотомъ ковриги.

Ор. 57 Солнце каторжники тѣлѣнно.
Безпокойною стучить
Этой жгучею усѣшкой
Озаряя видъ
Солнце плути вломая оконшко—
Тянетъ мой зеленый лукъ,
Изъ вавилонскаго дукошка
Стрѣлокъ острый пукъ
Солнце пѣсенникъ прилежный
Онъ повсюду вдругъ завилъ
И покровъ зимы ночлежной
Удалить сѣньемъ крылъ
Солнце царственникъ земельный
Льетъ въ глаза темня ихъ кровь
Огонь лучей безпредѣльный
Свареній доль и роуѣ.

Ор. 58. Валетай пчела пахучимъ медомъ
Привлечена твоя стезя
А я влекуса непогодамъ
Чувствъ костылями егозя
Забивши прошлые побѣги
И устарѣлый юный пылъ
Не выдѣвая изъ телѣги
Гдѣ день мой мертвенный застылъ

«Грусть».

Ор. 62. Желтыя рѣки текутъ къ безконечности
Гдѣ-то созрѣли унылые льды
Рухнули скалы младая безпечности
Волнами буйно дегтящей орды
Созданы сломаны снова столѣтія
Тянется жуткій плакучій кустырь
Рѣчь низвелась къ хрипотѣ междулѣтія
Мечется гладный-озябшій упырь
Тамъ въ нищетѣ въ неизвѣстности каменной
Спѣлаго вѣтра не знала черты
Области огненной кротости пламенной
Сердцемъ тоскующимъ тянешься ты.

Зрительное осязаніе.

Ор. 63. Не позволяя дамъ
Очаровать досугъ
Въ ихъ деревянной рамѣ

Подъ руководствомъ слугъ
Блестять дружныя осколки
На поворотъ дорогъ
Ихъ стрѣлы только колки
Гдѣ вылъ протяжный рогъ
Загрѣпаны одежды
Последнихъ облаковъ
Все то, что было прежде
Линилось оковъ.

«Улей Зимы».

Ор. 69. Помять последнею
усыпкой

Отходить упокоясь прочь
За каторжной своею пѣшкой
Безжалостную сылку ночь
Вокругъ-меча на небѣ (ели)
Пестрять неровности песка
Пути скучающихъ похмѣлій
Поблескиванье тесака.
А оглянувшись только видѣть
слѣды Своихъ Последнихъ ногъ
Всегда бояться не обидѣть
Взаимодѣйствія порогу

А насторожь только слухомъ
Ловить свой шорохъ вѣтокъ хрусты.
Ему включенному поручамъ
Лобзающему каждый кусть.

Ор. 59. Корни писецъ хитри лабазникъ
Вашъ проклять мерзостный удѣлъ.
Топчи вѣнецъ мой-безобразникъ.
Что онагльзъ у сытыхъ дѣлъ.
Я все запомню непреклонно
И можетъ быть когда нибудь
Стилетъ отплаты пораженной
Вонзять вамъ каменную грудь.

Ор. 76. Я строю скритныхъ монастырь.
Средь виноградинокъ и скалъ.
О помощи ночной унырь.
Запутать переходы залъ.
Вверху свились гирлянды звѣвъ
Въ камняхъ безуміе скользятъ.
Какъ пель горитъ чело полей
Песчанникъ ямароръ сіенитъ.
Вдали сомкнулся волнъ досугъ.
Отягтивъ нарусь рыбаей
И все кричить стогласно вокругъ
«О строй свой монастырь скорѣй!»

Волково кладбище.

Ор. 70. Все кладбище свѣтитъ тускло

Будто низкій скрытый домъ
Жизни прошлой злое русло х
Затѣнившееся льдомъ
Надъ кладбищемъ зыбки виснутъ
Въ зыбкахъ рѣютъ огоньки
Въ каждой пяти глинѣ оттиснутъ
Умудренный жестъ руки
Вѣтръ качаетъ колыбельки
Шелестъ стоны шорохъ скрипъ
Плачегъ, сѣтъ пылью мелкій
Дождикъ вѣтки липъ.

Старикъ.

Ор. 64. Какъ серебро былъ свѣтъ дневной

Какъ злато цвѣтъ закатный
А ты упрямой сѣдиной
Дрожалъ старикъ отвратной
Ты звону преданъ былъ монетъ.
Изъ серебра изъ злата
И больше вѣрилъ этотъ цвѣтъ
Чѣмъ яркій огонь заката.

Ночной пѣшеходъ.

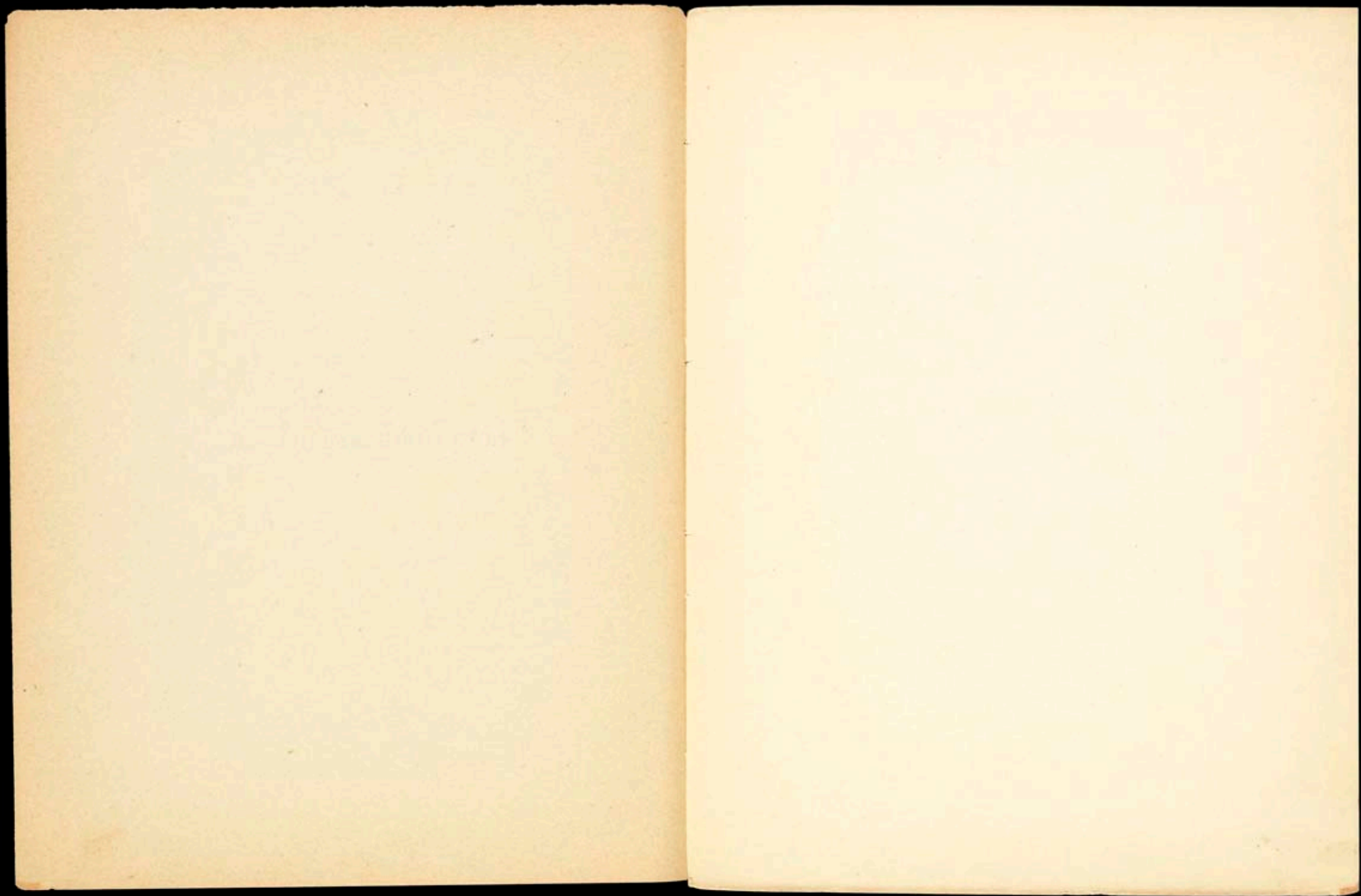
Ор. 76. Кто онъ усталый пѣшеходъ
Что прочертилъ глухою тьмою
Осыпанъ мутною злагою
Тамъ гдѣ такъ низко сводъ?
Кто онъ безшумный и безстрашный
Вдругъ отстранившій всѣ огни
Какъ вѣтеръ голосъ: «прокляни
Что возрастетъ надъ этой пашней»,
Какая тайная стезя?
Руководимъ какимъ онъ свѣтомъ?
Навѣкъ мы презрѣны отвѣтомъ
Въ слѣбую ночь грозя!
А онъ пройдетъ надъ каждой нивою
И поглядится встрѣчный домъ
Какимъ-то тлостнымъ судомъ
Какой-то поступью ревнивой.

Мы вѣримъ изщербленнымъ взглядомъ
Земли выскующую прятъ.

Ор. 66. Полночью глубокой

Затуманенъ путь
Въ простотѣ далекой
Негдѣ отдохнуть
Бѣтеръ вѣтеръ злобно
Гвезъ мой старый плащъ
Пѣсенкой загробной
Изъ-за лисихъ чащъ
Подъ невѣрнымъ взглядомъ
Лунной вышнимъ
Быстрыхъ тучъ отрядомъ
Рвы затѣнены
Я старикъ бездомный
Всѣмъ позабытъ
Прошлыхъ лѣтъ огромный
Грузъ на мнѣ лежитъ
Я привыкъ къ тяготамъ
Къ затхлоу темнотѣ
Къ плещущимъ заботамъ
Къ путанной верстѣ
Нѣтъ вокругъ отрады
Все полно угрозы
Тучъ ночныхъ громады
Сильный паровозъ.

Константи́нъ Большо́ковъ.

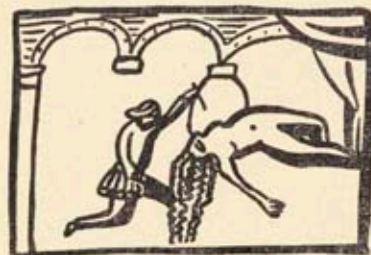
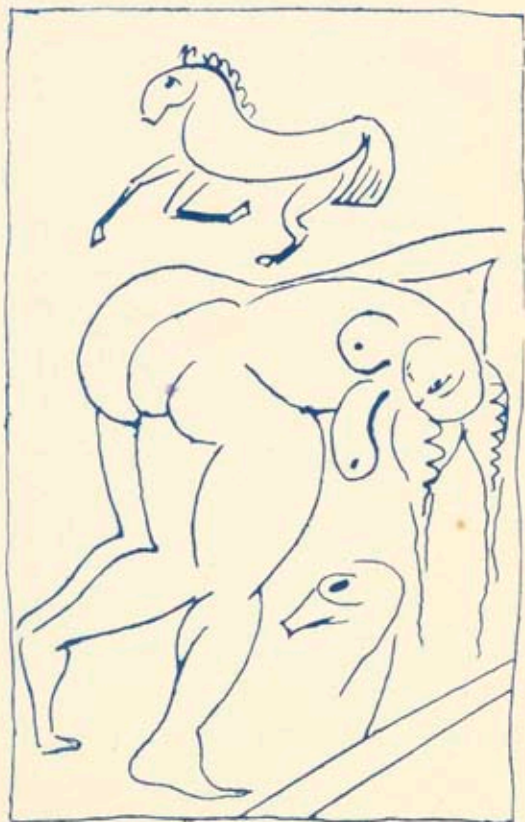

рис.

В. Бурлюк.

ДѢВУШКИ.

...Или я одна тебя отдана..
Цесаревна Елисавета
Петровна.

Страсть водила смычкомъ по лѣсу
На проборъ причесанныхъ и вовсе лысыхъ сердецъ.
А у загрузившей сумеречно пальцы укололись,
Надѣвая хрупкія грезы брачныхъ колецъ.

Окуная въ изгибы вечера узкія плечи,
Плакала долго и хрупко, совсѣмъ одна.
А вечеръ смотрѣлъ, какъ упорно мечется
Смычекъ страсти, будто пьяница съ грузнаго сна.

И ей шептали, что кто-то фіалокъ у рта
Нарывалъ и бросалъ подножіемъ рюмъ,
Что ея душа—элементарная алгебра.
А слезы—нулевой логарифмъ.

Что раздѣты грезы, и фіолетово-сумеречно
Наструнили стаканы лѣино вина,
А она уронила въ страстномъ шумѣ рѣчь,
Плакала долго, хрупко, совсѣмъ одна.

2.

Луна плескалась, плескалась долго въ истерикѣ,
Моторы таяли жужжа, какъ оводы,
И въ синее облако съ контурою Америки
Отъ города тордо метнулся багровый дымъ.

А тамъ, гдѣ тасли въ складкахъ синяго бархата,
Скользя, какъ аэро, фейерверки изъ звѣздъ,
Въ стеклянныя скаты крышъ десятиэтажныхъ архон-
товъ

Пролить электричествомъ безжалостный тоскъ.

И въ порывахъ рокота и въ нервахъ вѣтра
Металось сладострастье, какъ тяжелый штандартъ.
Гдѣ у прохожей женщины изъ грудей яцтаремъ

Cordon Vert'a

Сквозь корсетъ проступало желанье, какъ азартъ.

А въ забытой сумракомъ лунной дымнѣ,
Гдѣ эластично рывкнуло, пролетая, авто,
Сутуло спорбась, сердито висится
Ожидающая улица въ мужскомъ пальто.

3.

...Сердце разрѣжьте,
И не скажу ничего.

К. Вольшаковъ

Вы вялое сердце разрѣзали
И душу выжали, какъ лимонъ,

И ко мнѣ, задумавшемуся Цезарю,
Вы подносите новый Рубиконъ.

Ахъ не ступитъ нога вчерашняго гасера
На дрожащія ступени мгновений. У меня
Вчера на ладони вѣчность растаяла.
А сегодня обязательство завтрашняго дня
И ницему городу въ обледѣлыя горсти
И подаю, какъ мелочь, мой запудренный плащъ,
А на обнаженномъ сердцѣ, какъ на мускулистохъ
горстѣ,
Играсть устало безликой палачъ.

4

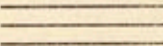
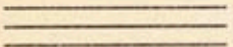
Весна, изысканность мужского туалета,
Безукоризненность, какъ смокингъ, вешнихъ правъ,
А мнѣ—моя печаль журчаньемъ триолета
Струится золотомъ въ янтарность Vin de grave
Кинематографъ словъ, улыбокъ и признаній,
Стремительный побѣтъ ажуриныхъ вечеровъ
Г' абрисъ полночи на золотомъ стаканѣ,
Какъ тонгъ, картавое гортанно серебро,
И электричество мелькнувшихъ взоровъ,
Пронзительный разсвѣтъ раскрытыхъ глазъ.
Весь Вашъ подошвъ я отъ до зеркала пробора,
Гримасникъ милыхъ позъ, безмолвно-хрункій часъ.

Константинъ Вольшаковъ.

Оглавленіе.

Лившицъ, статья	3— 11
В. Шершеневичъ	13— 23
В. Хлѣбниковъ	25— 56
Маяковскій.	57— 65
Лившицъ, стихи	67— 70
В. Каменскій	71— 75
Крученыхъ	77— 80
Николай Бурлюкъ	81— 96
Давидъ Бурлюкъ	97—116
Константинъ Бальмонтъ	117—123

КНИГИ РУССКИХЪ
 ФУТУРИСТОВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО.

„Первый журнал русских футуристов“

выходить 6 разъ въ годъ книгами въ 160—200 страницъ, съ оригинальными рисунками. Въ журналѣ помѣщаются стихи, проза, статьи по вопросамъ искусства, полемика, библиографія, хроника и пр.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Аксеновъ, Д. Болконскій, **Константинъ Большаковъ**, В. Бурлюкъ, **Давидъ Бурлюкъ**, Н. Бурлюкъ, Д. Буянъ Vagus, Васильева, Георгій Гаера, Егухъ, Риориоъ Иванъ, Вероника Иннова, **Василій Каменскій**, Александръ Конге, А. Крученихъ, Н. Кульбинъ, Б. Лавреневъ, Ф. Леже, Б. Лившицъ, К. Малевичъ, Ф. Т. Маринетти, **Владиміръ Малковскій**, М. Матюшинъ, С. Платоновъ, Игорь Сѣверянинъ, С. Третьяковъ, О. Трубочевскій, В. Хлѣбниковъ, **Вадимъ Шершеневичъ**, В. и Л. Шехтель, Г. Якуловъ, Эгертъ, А. Экстеръ и др.

Вышелъ № 1—2. Стихи, статьи, рисунки Д. Болконскаго, К. Большакова, В. Бурлюка, Д. Бурлюка, Н. Бурлюка, Д. Буяна, Vagus'a, Г. Гаера, Егух'a, В. Каменскаго, Б. Лившица, В. Маяковскаго, М. Матюшина, С. Платонова, Игоря-Сѣверянина, В. Хлѣбникова, В. Шершеневича, Эгерта. 2 р.

Редакціонный комитетъ: *К. Большаковъ* (библиографія, критика) *Д. Бурлюкъ* (живопись, литература), *В. Каменскій* (проза), *В. Маяковскій* (поэзія), *В. Шершеневичъ* (библиографія, критика).

1. При непосредственной выпискѣ изъ конторы—пересылка на счетъ издательства.
2. На рукописяхъ, доставляемыхъ въ редакцію, должны быть указаны фамилія автора (не псевдонимъ) и его адресъ.
3. Не принятыя рукописи размѣромъ больше печатнаго листа хранятся въ теченіе 3 мѣсяцевъ. На обратную пересылку и отвѣты прилагать марки.
4. Авторы, не принимающіе редакціонныхъ поправокъ, предупреждаютъ.
5. Стороннія объявленія помѣщаются по соглашенію.
6. Редакція и контора для личныхъ объясненій открыта еженедѣльно и ежечетвергню отъ 11—1 ч. дня.

Адресъ конторы и редакціи: Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, д. 2, кв. 10. Телефонъ 5-27-11.

Отдѣленіе склада: Карбасниковъ (Моховая) Москва.

Редакторъ: *В. Каменскій*.

Издатель: *Д. Бурлюкъ*.

Издательство

Перваго Журнала Русскихъ Футуристовъ.

Воздвиженка, Брестовоздвиженскій, д. 2, кв. 10. Тел. 5-27-11.

Дохлая луна — — — 1 р. 50 к.
(распродано).

Дохлая луна (второе изданіе дополн.) 1 р. 75 к.

Молоко кобылицъ — — — 1 р.

В. Маяковскій: Трагедія Владимиръ Маяковскій — — — 1 р.

Сборникъ рисунковъ: (печатается).

Бурлюки: Давидъ, Владимиръ

Предисловіе Николай Бурлюкъ.

Б. Лившицъ: ВОЛЧЬЕ СОЛНЦЕ II кн. стих. 1 р.

В. Хлѣбниковъ ТВОРЕНІЯ томъ I-й — 1 р.

Петербургъ. Литейный Ив. Ив. Митюрникова, магазинъ.

Всѣ книги иллюстрированы, репродукціи, цвѣтные, однотонные рисунки, рисунки отъ руки.

Изданія Общества Художниковъ
„Союзъ молодежи“

- Сборникъ № 1, Апрель, 1912 г. (распроданъ),
Сборникъ № 2, Июнь 1912 г. — 50 к.
Сборникъ № 3, Мартъ 1913 г. — 1 р.
Сборникъ № 4, Сентябрь 1913 г. (готовится)

Вечеславъ Егорьевъ и Владиміръ Марковъ.

Свирѣль Китая; собраніе стихотвореній Китайскихъ
поэтовъ съ біографіями (печатається)

Глезъ и Мецанже. „Du Cubisme“ въ переводѣ
„Союза Молодежи“ (печатається)

И. Шольникъ и О. Разинова
Сборникъ рисунковъ (печатається)

Владиміръ Марковъ.
Принципъ Фактуры (готовится)

Бурговъ. Сезанъ и Ходлеръ (печатається)

Дав. Дав. Бурлюкъ.
Галдящіе „Бенуа“ и Новое Руское національ-
ное искусство. Разговоръ г. Бурлюка, Бенуа
и г. Рѣпина — 20 коп.

Складъ изданій „Союза Молодежи“.

С.-П.-Бургъ, Графскій, 5.

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Изд. Г. Бузьмина и С. Долникова.

Игра въ Аду — Крученыхъ и Хлѣбниковъ, рис. Гончаровой
и. 60 к. (распродано).

Старинная любовь — Крученыхъ, Рис. Ларионова, цѣна 30 к.
(распродано).

Оставшіеся в небольшомъ количествѣ распродаются

Игра въ аду по 3 и 5 руб. и „Старинная любовь“ по 1 р.
у Митюрникова, Вольфа и др.

Мирскоца — Крученыхъ и Хлѣбниковъ, рис. Гончаровой, Ларио-
нове, Роговова, Татална, цѣна 70 к. (распродано).

Пустынники Помада. Полуживой — А. Крученыхъ, рис.
Гончаровой и Ларионова, цѣна 50, 30 и 40 к.

Пощечина общественному вису — Бурлюки, Крученыхъ,
Хлѣбниковъ, Маяковский и др., цѣна 1 руб. (распродано).

Требникъ троих — Бурлюки, Хлѣбниковъ, Маяковский, цѣна
1 р. 25 к., роскошное изданіе, рисунки.

Издательство **ЛУЪ**.

Утинное гнѣздышко — А. Крученых, книга 7-я, рис.
О. Розановой, ц. 40 к.

Бух лѣсиный—А. Крученых и Хлѣбников, книга
8-я. Рис. Розановой, Кульбина и
Крученых, 40 стр., ц. 30 к.

Взорваль—А. Крученых, книга 9-ая, 60 стр.
Рис. Гончаровой, Розановой,
Кульбина и Малевича.

Крученыхъ. Владиміръ Маяковский, его стихи,
цѣна 40 коп.

Василій Каменскій. I кн. Танго съ коровами. Поэмы.
II кн. Землянка — Романъ.

Издательство **ЖУРАВЛЬ**.

Рыкающій Парнасъ — сборникъ, цѣна 1 руб. 20 к.
(арестованъ).

Садокъ Судей, I сборникъ (распродано) оставшіеся
въ небольшомъ количествѣ продаются у
Митюрникова по 50 руб. С.-П.-Б., Литейный.

Садокъ Судей II сборникъ

Садокъ Судей III сбор. (печатається).

Осеній Сонъ—Е. Гуро (†).

Шарманка ея-же.

Изд. Бутковской.

Студія импрессионистов, цѣна 1 руб. 50 коп.

Свободная музыка, цѣна 2 руб.,

Издание Общества Нитимнаго Театра.

Кульбинъ, цѣна 50 коп.

Студія.

Членомъ Парижской Художественной Академіи,
ХУДОЖНИКОМЪ

Д. Д. БУРЛЮКОМЪ

съ осени текущаго года въ Москвѣ ОТКРЫВАЕТСЯ
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТУДІЯ (классы рисованія,
скульптуры и живописи), примѣнительно къ програм-
мамъ художественныхъ правительственныхъ школъ.

Подробныя свѣдѣнія можно получать письменно:

Уланскій, 22, нв. 4. Д. Бурлюкъ.

SPECIAL 81-B
17/25

Цѣна 1 р. 75 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕРВАГО ЖУРНАЛА
РУССК. ФУТУРИСТОВЪ.

Тил. и цинк. т/д. „Мысль“
Н. П. Меснякинъ и К^о.
2-е отд., Б. Никитская, 9.